

kassyi

УБОЖЕСТВЕННАЯ

#есть|
ничего/невозможного \;~>

kassyi

Убожественная

«Издательские решения»

kassyi

Убожественная / kassyi — «Издательские решения»,

Очень умелые ручки способны на многое... На такое, что вы и представить себе не можете. Ах, можете?! Ну тогда — вам же хуже будет! Навоображали тут... И там... И здесь... Вот и расхлебывайте теперь, рукодельники, сами, все сами.

© kassyi

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
День первый	6
Интерлюдия	13
День второй	16
Интернелюдия	22
День третий	24
Интерлюдия	27
День четвертый	28
Интернелюдия	36
День пятый	37
Интерлюдия	44
День шестой	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Убожественная
#есть|ничего/невозможного \;~>
kassyi**

© kassyi, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

День первый

– Стойте-стойте! Погодите! – я неслась по черному асфальту к лютиково-желтой вертлявой маршрутке, разбрызгивая зеркально-серые лужи и оскальзываясь на багряных кленовых листьях. Впечатляющая цветовая гамма, но сейчас я не могла ее по достоинству оценить.

Кто такая я? В данный момент я – это бегущая под мелкой осенней изморосью нелепая тетка в неудобных туфлях и без зонтика, зато с огромным бумажным пакетом в руках и с присосавшейся к плечу карликовой сумочкой. А обычно я – хорошенькая девушка с повадками красивой женщины, в совершенстве освоившая к своим почти тридцати годам искусство казаться, а не быть. Что это значит? Очень просто – казаться умной, а быть всего лишь сообразительной, казаться доброй, а быть всего лишь расчетливой, казаться удачливой, а быть всего лишь предусмотрительной. Что еще? Казаться состоятельной, а быть всего лишь экономной: не надо стыдиться скакать по распродажам и барахолкам. Казаться красивой, а быть всего лишь хорошенькой: о, это целая наука!

Именно из-за последних двух пунктов моего сверхсекретного резюме я, обнимая бумажный пакет, и неслась корявым аллюром к глянцевому борту микроавтобуса. Опаздывать сегодня было никак нельзя, но пропустить распродажу экзотических морепродуктов в супермаркете у черта на куличках – извините, я не настолько богата. Бумажный же пакет с покупками, ни в коем случае не таскаемый за ручки в опасной близости от колготок, а небрежно придерживаемый возле груди за боковины и донышко – как раз из амплуа «красивой женщины». Зарубежные фильмы с красотками видели? Хоть одна из них выходит из магазина, сутулясь и волоча в отвисших до колен руках сумки с продуктами, словно выучный осел? То-то же. Но иногда, например сегодня, когда имидж – ничто, а время – все, красивая женщина Надежда Швецова хочет превратиться обратно в симпатичную девчонку Надьку Гловову, с рюкзаком и удобными кроссовками, позволяющими бежать когда и куда угодно.

Бамс! Дверца с лязгом захлопывается, и «капсула смерти» рвет с места так, будто пытается побить рекорды Формулы-один. Вот черт! Не успела... Какой-то дикий район. Я живу всего в пятнадцати минутах езды отсюда, но в моем спальном квартале охота идет только за медлительными вымирающими динозаврами общественного транспорта. Представители новой фауны, маршрутки и тэшки, бесперебойно бегают во всех направлениях. Можно и частника поймать, за ним даже охотиться не надо, сам ловиться рад. А здесь, по опыту знаю, маршрутки ходят хорошо, если раз в день, о частном извозе можно только мечтать. И при таком хреновом транспорте – обалденные магазины с офигительным ценником. Я здесь уже почти полгода затовариваюсь. Как-то случайно после одной ну очень творческой пьянки с ужасом обнаружила свое брэнное тело на лавочке в здешнем сквере. Домой я тогда добралась только утром, практически пешком, накупив при этом в местных магазинчиках столько дешевой диетической вкуснятины, что она не лезла в холодильник. С тех пор раз в две недели сюда навещаюсь. В основном за едой, но иногда и за тряпками, они здесь тоже изумительные, больше в городе нигде таких нет, и по бросовым ценам. Все-таки в таких удаленных спальнях кварталов есть свои преимущества.

Но сейчас мне не до них. Плохо дело! Опаздываю. Конечно, не придти вовремя на презентацию собственного проекта – это концептуально, как сказал бы один мой занудный коллега. Но я-то знаю, что любой хаос создается по заранее обдуманному плану, а экспромты лучше готовить задолго до внезапного озарения. Тем более когда главные роли в задуманном спектакле исполняют наши волосатые, чешуйчатые и капризные меньшие братья. Не разнесли бы

нам всю контору эти милые зверюшки. Что делать-то? Тачку искать. Транспорта мне здесь не дожидаться, а пешком я в своих супермодельных туфлях далеко не уйду.

Кошкин дом мод

Каждый из нас хотя бы раз в жизни сталкивался с мучительной проблемой выбора подарка. На день рождения другу, на юбилей родителям или на свадьбу друзьям, даже, может быть, на новый год начальнику. А что делать, если хочется сделать подарок своему домашнему питомцу? Казалось бы, ассортимент невелик – вкусный корм или игрушки, предлагаемые в зоомагазинах. Не разбежишься. Но теперь появилась возможность побаловать наших четвероногих друзей разнообразными и нестандартными презентами.

Салон необычных подарков «Сюр-приз» презентовал на днях проект «ЗвероДар» – линию необходимых вещей и милых безделушек для домашних животных. На счету «Сюр-приза», по словам арт-директора салона Надежды Швецовой, уже несколько десятков «зверских подарков». Клиентура весьма обширна: от хомячка до пони. Разумеется, подарки заказывают не сами четвероногие друзья, а их хозяева.

«К примеру, – рассказывает Надежда Швецова, – мы делали карнавальный костюм для сенбернара. Собака-спасатель нашими стараниями на несколько часов превратилась в волшебного оленя из далекой Лапландии. Чуть раньше наша рукодельница Нина Радиковна Чумаева связала модный костюмчик для крысы Кристины. Крыса очень любила гулять по улицам на плече у своего двенадцатилетнего владельца. Но зимой она замерзала и однажды даже простудилась. С тех пор как Кристину одели в теплый костюмчик из ангорской шерсти, она совершенно не мерзнет и в любую погоду радует маленького хозяина своим обществом».

Но самая уникальная работа «Сюр-приза» – роскошные шубки из натурального меха для кошек-сфинксов. Сфинксы – кошки бесшерстные, их часто называют лысыми. В нашем суровом северном климате сфинксы мерзнут, болеют и требуют теплой одежды.

Говорит заводчица сфинксов, фанатичная поклонница этих кошек Аэлита Куряпкина: «Мое знакомство с „Сюр-призом“, а вернее сказать с Надюшей Швецовой, вышло совершенно случайным! Надюша пришла на выставку „Котомания“, и ее очаровали мои Минечка (Аменхотеп IV, донской сфинкс, платиновый сертификат питомника „Бубастис“, призер российских и международных выставок) и Нюнечка (Нефертити I, донской сфинкс, золотой сертификат клуба „Королевская аналостанка“, призер российских выставок). Минечка и Нюнечка мерзнут зимой, муж им кофточки вяжет, а Надюша обратила внимание, что моим красотулькам шерстяные вещички не к лицу, и сказала, что им шубки нужны. А Минечка и Нюнечка на „Котомании“ первые места взяли, я и решила порадовать их»...

Шубки изготовлены из натурального меха песца и чернобурки, украшены стразами Сваровски и янтарем. По словам скорняка салона «Сюр-приз» Григория Терехова, самой сложной задачей были примерки. «Сшить шубу не вопрос! А вот натянуть изделие на котяру – это проще блоху подковать!», – признался Григорий. Несмотря на трудности с примеркой, шубки смотрятся очень стильно. Мы попросили известного петербургского зоопсихолога Елену Горемыкину прокомментировать

использование подобных костюмов для кошек. «Я считаю, что одежда для сфинксов, особенно в нашем климате, просто необходима, – сказала она. – Шубки защитят нежную кожу кошек от холода, предотвратят ее высыхание и обеспечат животных необходимым психологическим комфортом».

Зинаида Борменталь-Преображенская, фото П. Шарикова. Журнал «Наши питомцы».

– Ну, Надежда, наконец-то! Где тебя носило? – мои друзья-коллеги, празднично одетые и избыточно нервничающие, теснились на узкой полоске тротуара возле неприметного входа в нашу странную контору. Волнуются ребята. А мне после полугодовой работы на износ, беготни и бессонных ночей вся эта торжественная овуляция... ах, пардон, презентация, нужна была, как безногому тапочки. Устала. Но не огорчать же ребят кислым видом.

– Все в порядке, просто опаздываю немножко, – бодро пропела я и оглянулась, чтобы помахать моему чудесному спасителю. Но ни его самого, ни его забавного автомобильчика уже не было. Ой, испарились... Невольно я усмехнулась, поняв, что исчезновение этого человека огорчило меня больше, чем требовала ситуация. И что мне хотелось произвести на него впечатление не только выдающимся экстерьером, но и любимой работой, пригласив на торжественное мероприятие «имени меня». Даже если бы он отказался, ему наверняка стало бы любопытно. Ладно, будем считать, что мой идеал мужчины повел себя идеально. Спас меня и исчез, оставив дивное воспоминание. А что еще делать с идеалом? Только любоваться издали и не трогать руками: чем больше дистанция, тем меньше разочарований.

– Давай сюда свои пакеты, пойдем скорее, – загудел позади меня воздух, обреченно уступая натиску Контрабасральто – необъятной Ниночки Радиковны. – Мы уже беспокоиться начали, не случилось ли чего, – она ловко выхватила у меня покупки и заколыхалась к дверям. – Телефон не отвечает, время поджигает...

Я зачарованно наблюдала за процессом перетекания Ниночки через дверной проем. Каждый раз мне кажется, что это событие должно закончиться катастрофой, что габариты Контрабасральто застрянут и намертво закупорят вход. Но она, похоже, владела тайными знаниями по использованию четвертого измерения: вызывать спасателей, чтобы выпилить ее из дверного проема, нам ни разу не приходилось. Вот и сейчас она неуловимо заструилась мимо обшарпанных косяков, даже не задевая их. Спортивная выучка – это навеки. Наша Контрабасральто бывшая гимнастка, у нее дома целый склад каких-то грамот, медалей, фотографий худенькой, похожей на кузнечика девочки с обручем или лентой, в лоснящемся узком купальнике. Сейчас этот купальник носит дочка Контрабасральто, когда занимается в школе шейпингом. В железные челюсти профессионального спорта Ниночка своего единственного ребенка кидать отказалась наотрез, хотя бывшие коллеги убеждали ее, что «у девочки все сложится иначе». Контрабасральто отвечала, что не сомневается в этом, поскольку сделает все, чтобы у ребенка была нормальная жизнь, а не «сборы-травмы-гормоны-соревнования-пьянки-аборты». Не знаю, насколько справедливо это описание Ниночкой своей спортивной молодости, но к сорока годам она, не обретя ни славы, ни счастья, ни денег, приобрела целую оранжерею болезней. Итогом стали инвалидность, женская независимость вкупе с одиноким материнством, тоскливое безденежье и постоянный поиск ну хоть какого-нибудь приработка для оплаты лекарств.

Я с Контрабасральто познакомилась как раз в поликлинике. Добывала себе рецепт и обратила внимание на сидевшую в очереди унылую толстуху в шикарной самотканой юбке. Ниночка незадолго до того связалась с артелью, объявившей о создании «эксклюзивных предметов интерьера в русском стиле». Им нужна была швея, пряха, ткачиха, сватья-баба-баба-риха или любая тетка, которая согласится освоить эти профессии. В артель Ниночку отправили с биржи труда инвалидов, когда выяснилось, что к пайке микросхем и покраске матрешек она морально не готова. А прялка и ткацкий станок ее не испугали. Оказалось, что к пря-

дению и ткачеству у нее настоящий талант. Надо видеть, как эта огромная женщина управляется с веретеном, куделью и ткацким станком, нацепив на коротко остриженную голову наушники и напевая модные шлягеры. Однако в момент нашего знакомства Ниночке было не до песен. Артель, обеспечив сотрудницу за ее же деньги эксклюзивными орудиями труда, благополучно развалилась. Вытканые Контрабасральто полотнища и напряденные шерстяные клубочки стали никому не нужны. Малогабаритная хрущевка издыхала под натиском эксклюзивного интерьера в русском стиле. Денег не было, дочка болела гриппом, сама Контрабасральто на нервной почве едва не загремела в больницу с гипертоническим кризом. Она рассказывала мне все это гудящим низким голосом, глядя в пол перед собой и судорожно сминая толстыми пальцами юбку, прикрывавшую ее рубенсовские бедра.

Мне стало ее ужасно жалко тогда. Здоровенная некрасивая тетка, потерянная, измученная... и в такой красивой юбке. Я сказала, что куплю у нее пару полотнищ на платье. Мы обменялись телефонами, и я действительно приехала к ней с апельсинами и тортиком. Впоследствии, когда Ниночка стала полноправным работником нашей странной конторы, она признавалась, что мой звонок и визит с гостинцами поразили ее до глубины души: «Я думала, обычная молоденькая вертихвостка, поговорила и забыла. А ты и отзвонилась, и пришла, и торговаться не стала!» А мне и не хотелось с ней торговаться. Увидев и потрогав ткани ниночкиного производства, изумительно живые и теплые, я без сожалений рассталась с довольно приличной суммой. Да и теперь любому клиенту, который брюзгливо пытается выяснять, почему за какие-то тряпки заламывают такие цены, я просто указываю на дверь. И добавляю обычно, что труд пряжи, ткачихи – нелегкий труд. Так же, как и труд вышивальщицы, кружевницы, гончара, кузнеца, ювелира, художника или поэта, несмотря на мнение большинства, что это, якобы, легкие деньги. Мол, делов-то! Чего-то наплести, навязать, картинку намалевать или стишок сочинить. Невелика забота-пахота.

Спорить об этом мне давно не хочется, в отличие от нашей эмоциональной филологини Ташки, которая готова любому втолковывать, какая это тяжелая работа – создавать. Вы попробуйте! – захлебываясь, обычно тараторит Ташка. Не только сделать, но и придумать, самому, безо всяких образцов. И не только придумать, но и сделать, чтобы было красиво! Вы попробуйте, убеждала она однажды в электричке сидевшую напротив нас пожилую супружескую пару. Мы с сильно беременной Ташкой, Контрабасральто и моей циничной подругой Маргаритой ехали в пригород на первый заказ. Я молча слушала бессмысленную беседу, Ритка, усмехаясь, читала смс-ки от своих неиссякаемых мужиков, а Контрабасральто, беспокоясь за ташкиных близнецов, тихонько гудела, уговаривая будущую маму не нервничать. Дачники-пенсионеры ошалело разглядывали нашу компанию и поначалу бодро и азартно, а потом все сонливее и тише доказывали Ташке, что шахтеру в забое или крановщику на стройке приходится куда хуже, чем художнику. Ташка в ответ читала стихи, пела песни, восклицала, что у нее самый муж – дальнбойщик и про настоящую мужскую работу она знает не меньше жены шахтера, и упорно гнула свою линию о тяготах творческой доли. Естественно, диспут закончился ничем, на нужной остановке мы выдернули распалившуюся Татьяну из вагона, ее близнецы, оказавшись вместе со своим худосочным вместилищем на заплыванной загородной платформе, начали усиленно лягаться. Так что недоучившуюся филологиню, верную жену дальнбойщика и штатного сочинителя свежеоформленной фирмы «Сюр-приз» пришлось срочно укладывать отдыхать на лавочку под пыльными осинками. А заказ мы тогда выполнили отлично, на вырученные деньги арендовали комнатуху и оплатили появление на свет ташкиных двойняшек.

И вот сейчас двое четырехлетних сорвиголов мужского и женского пола протиснулись мимо Контрабасральто и с визгом понеслись ко мне и к Ташке.

– Мам, мам, тетя Надь, там телевизол плиехал, дядь Глиса лугается, говорит, палкет цалапают! – близнецы бегали кругами возле меня и Ташки и пронзительно орали.

- Тась, что они, – возвала я, но Ташка уже спешила за Ниночкой, ухватив детей за руки.
- Какой телевизор? Какой паркет? Что там царапают? – спрашивала она на ходу.

Так, ясно. Приехало телевидение. Гриша ругается, что царапают пол аппаратурой. Да и черт бы с ним, с этим старым паркетом! Но Гришку надо унять, – его нелюбовь к телевидению в частности и к журналистам вообще может сыграть не в масть. Сегодня нам надо журналистов любить, пылинки с них сдувать и подарки им дарить. Кстати, о подарках!

– Рита! – Куда же она запропастилась? Презенты журналюгам – ее фронт работ, но где же она? – Рита!!!

– Ну и во имя какой высокой цели мы столь возбудились? – ленивый, тягучий, словно дорогой ликер, обманчиво сладкий и коварный голос Маргариты теплой волной окатил мне плечи. – Чего тебе надобно, рыбка моя золотая?

Не без труда сдержав глупое хихиканье, которое было моей обычной реакцией на речевые экзерсисы Маргариты, я повернулась к ней.

– С скромные дары акулам пера заготовила? – в разговорах с Ритой я невольно начинала подражать ее вычурной манере. И не я одна. Любой мужик, пообщавшись с ней полдня, на всю жизнь оставался поражен вирусом витиеватого красноречия. Я же общаюсь с ней годами. Маргарита – вторая жена моего бывшего мужа. Я – третья. Но это долгая история.

– И скромные, и нескромные, и скромные, – ухмыльнулась Ритка, хищно блеснув острыми зубками. – Столы ломаются под непосильной ношей фуршетных излишеств, фенечки, сумочки, галстучки и прочие примочки трепещут в ожидании жадных ручек новых хозяев. А что это за колесница тебя сюда примчала, с таким, не будем стесняться, не банальным колесничим?

Все-таки она заметила. Вопрос был задан как будто бы вскользь, но я слишком давно знаю Ритку и мне слишком хорошо известен этот небрежный мурлыкающий тон.

– Ритка, не надейся! Я понятия не имею, как его зовут, что он такое и какой у него номер телефона. А если бы и знала – тебе бы не сказала, он мне самой ужасно понравился.

– Да? Жаль, жаль, – пробормотала Маргарита, дергая себя за мочку уха, туго перехваченную золотой сережкой с россыпью бриллиантов.

– Чего тебе жаль? – спросила я, приглаживая волосы и разглядывая свое отражение в оконном стекле. – Того, что я не успела выяснить кто он такой, или того, что он мне понравился?

– И того, и другого! – Расхохоталась Маргарита, заботливо одергивая на мне юбку. – И можно без хлеба! Ты ему, дорогая моя, тоже понравилась. У меня глаз-алмаз!

– Ну конечно! И свой алмаз ты на этого мужика тут же положила, – я подмигнула Ритке. – Мечтаешь заполучить еще один «экземпляр» в свою коллекцию?

Маргарита только хмыкнула.

– Глаз у меня – алмаз. Пойдем-ка, – она ласково взяла меня под руку, и это мне совсем не понравилось. Что-то она затевает. – Боже мой, мы опаздываем! Вряд ли, правда, герцогиня будет в ярости, но тебе пора доставать белых кроликов из шляпы под прицелом черных телекамер. Кстати, – тут голосок Ритки стал похож на засахаренный клинок, – один из наших четвероногих уродцев уже декорировал мой стол ароматной какашечной инсталляцией.

– Кто именно? – со вздохом спросила я, прикидывая, во что мне обойдется эта «инсталляция» и какое обещание она вытянет у меня в обмен на отказ от обид. Ибо обиженная Ритка – это стихия, рядом с которой блекнут ураганы, землетрясения и неожиданные визиты дальних родственников из Мухосранска.

– Да этот, – пожала плечиком элегантная шантажистка, – лысый, дымчатый. С мерзким крысчым хвостом! – передернулась она. – Аменхотеп, которому норковую шубку шили.

– Миня? – поразила я. – Он ведь всегда такой спокойный, ласковый котик. Наверное, его кто-то испугал.

– Испугал? – Вскинув брови, отшатнулась от меня Ритка. – Испугал! – Она фыркнула и остановилась, выставив вперед умопомрачительно длинную ногу в черном чулке. – Не намекаете ли вы, уважаемый прокурор, что я привела это генетическое недоразумение в такой ужас, что оно рефлекторно опросталось на моем столе? Интересное дело! Лысое пучеглазое чудище портит мне настроение, а единственная подруга, вместо того чтобы утешить, утверждает, что я же и виновата? И это называется дружбой?! – Эхо риткиного голоса раненой птицей металось от стенки к стенке на узкой улочке, вызывая к небесной справедливости. Мне захотелось заткнуть уши. Я же говорю: любому, кто слышал решившую оскорбиться Маргариту, больше не страшны никакие бедствия.

– И чем я могу тебя утешить, бедная обиженная подруга? – как всегда, я сдалась без боя.

– Спасибо, ничем, – сухо бросила Ритка и принялась внимательно изучать ржавую крышу дома напротив. – Если тебе так хочется считать меня злобным монстром, пугающим беззащитных кошечек, то пожалуйста. Конечно, от таких, как я, надо держаться на расстоянии, не доверять никаких секретов, стыдиться перед новыми знакомыми...

Она сардонически продолжала перечислять, чего еще нельзя делать поблизости от «злобных монстров», но мне уже все стало ясно.

– Ри-ит, – примирительно заканючила я, – ну чего ты? Не спросила я, как его зовут. И он меня не спрашивал. Ну правда! Нет у меня его координат, и своих я ему не оставляла. Хотела, но не успела. Он же исчез, как Карлсон: только что был и уже улетел.

Ритка, отлепив взгляд от крыши, медленно повернулась ко мне.

– Ты что, действительно с ним НЕ ПОЗНАКОМИЛАСЬ? – возмущенно спросила она.

– Да. Не успела. Сама знаю, что балда, – с готовностью покаялась я.

– Эх, ты, шляпа! – раздосадовано пробурчала Ритка, поняв, что я не вру. С ее точки зрения я совершила непростительный грех – упустила интересного и вроде бы небедного мужчину.

– Я же не ты, – немного лести не повредит, тем более что риткиным талантом «цеплять» самое разнообразное мужичье я действительно искренне восхищалась. – Вот если бы мне твои фирменные приемчики освоить...

– Мои приемчики тебе не годятся, – риткино самодовольное хмыканье показало, что инцидент исчерпан. – Тебе надо собственную стратегию и тактику разрабатывать. Пора уже, – и эта неоднократно замужняя дама снисходительно посмотрела на меня – бедненькую разведенку. Забавно, она всего на два года старше. Дружим мы лет десять. И все время она ведет себя так, словно ей минимум девяносто, а мне не больше шестнадцати. При этом она собственными руками выдала меня замуж за своего второго мужа! Я до сих пор не понимаю, как ей удалось проделать этот трюк.

– Ладно, идем, уже пора, – потянула она меня к двери. – Шляпа ты, конечно, но это дело поправимое. Но что за колесница была у твоего рыцаря? Я таких машинок еще не видела.

– Не знаю, – буркнула я. – Я в машинах ничего не понимаю.

– Естественно, – фыркнула Рита. – Если бы понимала, обязательно бы выпросила визитку владельца. Автомобильчик очень стильный, похоже, из совсем новых. Абы кто на таких машинах не ездит. Шляпа ты все-таки!

В такт этому жизнеутверждающему восклицанию мы вошли в длинный коридор, тянувшийся мимо ряда комнатушек в уютный тупичок, который привыкли называть «офисом».

– Ну, шляпа, – говорила я на ходу, привычно пикируясь с Риткой. – Машина, между прочим, ерунда. А вот водитель – просто мой идеал мужчины. Так что не надо меня третировать. У меня мечта всей жизни скрылась в неизвестном направлении.

Ритка тихонько присвистнула. И расхохоталась.

– Ишь ты, идеал мужчины! Исчез, как Карлсон! – сквозь смех выдавила она. – Ты даешь!

Меня тоже одолел приступ смеха. Хотя, в сущности, правду сказала, действительно идеал. И очень мне понравился. Последние слова я невольно произнесла вслух. Ритка перестала хихикать и склонилась к моему уху.

– Ты ему тоже очень понравилась, подружка. И твой сэр рыцарь вернется к прекрасной даме. Причем с цветами.

Мы уже входили в «офис», до отказа забитый людьми, зверями и журналистами. Пора было начинать представление.

– Вернется, – напоследок ткнула меня в спину Ритка.

Она ошиблась. Он не вернулся.

Интерлюдия

Каждый раз, уезжая в чужие края,
Покидая свой маленький дом,
Неизменный вопрос задаю себе я:
Сохраню ли я в сердце своем
Этот вид из окна —
Четырех тополей то зеленый, то черный убор,
Стену дома напротив. Родная стена!
И засеянный мусором двор...
Не забуду ли я, как в июньскую ночь
Бледен лик этих серых небес?
Я же спальных кварталов любимая дочь,
Здесь начало мое и конец.
И не там, где среди позолоты и смальт
Гордый ангел раскинул крыла —
Нет. Господь мою душу швырнул на асфальт...
Здесь, в пыли, я ее и нашла.
Среди жестких коробок понурых домов,
Где «поребрик» звучит как «поп-арт»,
Меж больных голубей и лихих воробьев
Бесприютные души лежат.
Я свою подняла, отряхнула слегка,
И мы впору друг другу пришлись.
Но с тех пор иногда гроыхает в висках:
Этот город – жестокий каприз.
Его трудно любить. И в нем трудно дышать.
Но люблю и дышу – только им.
Жаль, я с ним никогда не смогу танцевать —
Вальс дворцов мне остался чужим.
Но когда я на крыше лениво пивко
Попиваю – плесни-ка еще!
Я с улыбкой смотрю, как летит высоко
Бедный Питер. Крещен и прощен.

Если бы в школьные годы чудесные лохматый старик в шляпе и со склянкой ароматической водки в руке сказал мне, что к тридцати годам я стану хозяйкой собственной фирмы, я бы расхохоталась ему в лицо. Тогда, на бестолковом закате советской эпохи, словечки «бизнес-вумен» и «деловая женщина» еще не были на слуху, хотя стремящиеся к независимости дамы уже начинали постигать азбуку предпринимательства. Но мне все это было чуждо, равно как и увлечение одноклассников сложными процессами обмена фантиков от импортных жвачек на импортные же ластики по курсу то один к пяти, то два к семи, то еще как-то. Я молча разворачивала фантики, оставляя себе понравившиеся и безвозмездно, то есть даром, отдавая все прочие жадным до подарков ровесникам. Наверное, именно здесь можно обозначить на карте моей жизни едва заметный исток нынешней не великой, но привольной реки большого удовольствия и некоторого благосостояния – то есть нашу странную контору.

Известно, что людей разделяют на мужчин и женщин, на черных и белых, на вербалов и визуалов, на верящих в то, что стакан наполовину полон, и утверждающих, что он наполовину пуст, на удачливых и невезучих. Я пользуюсь иным критерием. Люди делятся на тех, кто любит получать подарки, и на тех, кто любит подарки дарить.

Я отношусь ко второму типу. Дарить подарки мне всегда нравилось больше, чем, краснея и бормоча «пасибо...», украдкой изучать полученный дар и прикидывать, на кой черт мне нужна эта штукавина и кому бы ее сплавить. Выбирать, искать и дарить подарки – это приятно. Это интересная работа. Это искусство. Настоящий подарок может быть даже простым осенним листом, пахнущим прелью и мокрым от дождя. Именно такой подарок я сделала Маргарите, когда она полгода кисла на лежачем режиме в больнице. Этот лист, трогательно поблекший, всегда стоит в светлой деревянной рамке на ее столе, куда бы этот стол ни переезжал. Подарком может быть что угодно, если подарок делается от души и – это важно – в расчете на его получателя.

Большинство людей выбирает подарок, словно женщину, религию и дорогу, как будто для себя любимого, исходя из собственных привычек. Именно поэтому все мы помним пословицу про то, что дареному коню в зубы не смотрят. И захламляются наши жилища и души разнообразными «конями», которых и выбросить жалко, и пристроить некуда. А мы сидим, с легким ужасом предчувствуя мутную волну ненужных даров, которую выплеснет к нашим ногам очередной день рождения или новый год. И хорошо, если хотя бы половина полученного будет приятна и необходима. Ведь только в детстве можно было написать письмо Деду Морозу и объяснить, чего именно хочется. Стать Дедом Морозом и волшебником из голубого вертолета? Этим и занимается наша странная контора.

Если вспомнить, с чего все началось, то, как ни смешно, с игры в бисер. Целая банка разноцветной мешанины бисера и бусин, обнаруженная в детстве во время раскопок комода, меня просто заворожила. Папа с мамой, обрадованные новым увлечением ребенка, купили мне тощенькую брошюрку по бисероплетению. В последующие годы я добровольно отрывалась от бисера только ради чтения. Вопрос с подарками многочисленным родственницам решился раз и навсегда. Из небрежно разбросанных по всему дому украшений выбиралось одно, укладывалось в коробочку и вручалось имениннице. К восторженным охам и ахам я быстро привыкла, равно как и к очкам в тонкой оправе: глазки не очень-то дружат с бусинками. Но однажды я даже без очков ясно увидела, что воздушный гарнитур с янтарем висит на грудастой тете Капе, как на корове седло. А смуглой и кареглазой кузине Зине совершенно не к лицу массивные серьги с чароитом. Прозрев и заменив очки на линзы, я стала плести украшения для подруг и родственниц целенаправленно, с учетом внешности, а позднее – и характера. Тем временем страна разлетелась на куски, словно смачно брошенный на асфальт арбуз, папа с мамой тоже решили стать суверенными, я, с трудом выйдя из комы после их развода, с грехом пополам закончила школу, и возник вопрос, что делать дальше.

Для меня это была проблема похлеще, чем для героев Чернышевского. В сущности, душа у меня ни к чему не лежала, кроме бисера, книжек и наивных фантазий. Июньские дни бежали наперегонки, приближая последний срок подачи документов в вузы, а я, нервно держа фенечки на запястьях, никак не могла определиться. Пораскинув мозгами, умная девочка Надя решила составить список того, что она умеет. Получилось, что я умею плести красивые штукавины из бисера, шить экстравагантные шляпки из чего попало, бесконечно фантазировать и придумывать подарки. Поглядев в список, я мрачно подумала, что если бы где-то проводился конкурс на никчемных людей не от мира сего, я немедленно получила бы там гранпри. Тогда, отложив в сторону список того, что умею, я принялась составлять второй – что люблю. За полчаса судорожных раздумий тетрадный листочек украсился четырьмя короткими строчками: плести из бисера, дарить подарки, мечтать, гулять. Похоже, на конкурсе никчемных людей я была бы председателем жюри.

В конце концов дельный совет дал отец, которому я пожаловалась на судьбу. Щелкнув меня по носу и дернув за косичку, он весело сказал:

– Не кисни, котенок. Я в твои годы был болван болваном и прыгал до двадцати трех лет из института в институт с перерывом на армию. А ты молодец, уже сейчас пытаешься понять, что для тебя лучше и интереснее.

– Да ничего мне не интересно! Ни! Че! Во!

– А вот и неправда, – папа смотрел на меня спокойно и очень серьезно. – Тебе много чего интересно, другое дело, что твои интересы в вузах не изучают. Но многие люди, между прочим, и без высшего образования живут долго и счастливо. Для тебя я вижу три пути.

– Какие? – помнится, у меня даже сердце застучало от радости, что есть какие-то неведомые дороги, по которым я могу двигаться дальше.

– Ну, – папа сплел руки на груди и нарочито нахмурился, – ты, Надюша, можешь идти в свободные художницы, в монастырь или замуж за дурака!

Посмотрев на мое обиженное лицо, отец не выдержал и засмеялся.

– Вряд ли из меня получится Офелия, – сердито бросила я ему.

– Верно, – кивнул папа. – В бога ты, слава богу, не веришь, замуж тебе еще рано. А вот в Мухинское училище ты вполне можешь сходить и выяснить, чему и как там учат.

И я сходила. Старинное здание в тихом переулке подавляло величием и удивляло обшарпанностью, напоминая потасканного и обнищавшего, но все еще надменного аристократа. В приемной комиссии мне снисходительно растолковали, что одним из обязательных экзаменов является рисунок. И жизнь для меня закончилась. Все просто – в списке того, что я умею, не было пункта «рисовать». В течение целых сорока минут 17-летняя Надюша Глотова считала, что пора идти к Неве топиться. Сейчас-то я знаю, что папа был прав – можно прекрасно жить и без высшего образования. Но тогда, печально бредя вдоль улиц шумных, я мечтала о том, как было бы здорово научиться рисовать. Ведь рисовать мне нравилось, хотя я совершенно не умела этого и, признаться, толком не умею до сих пор. Ибо подготовительные курсы по рисунку, куда девочка Надя пришла в расчете за год научиться этому ремеслу, совсем не помогли ей освоить карандаш и кисть, зато подарили мужа, первую в жизни работу, лучшую подругу и, в конечном счете, сделали из нее – меня. Да, едва ли пухлая девочка с растрепанной светлой косичкой могла вообразить, что превратится в стильно подстриженную художавую женщину «с прошлым» и, конечно же, с будущим.

День второй

– В настоящем времени надо писать клиенту! И бодренько, с огоньком! А не мямлить...

– Слышь, ты, – Ивор убрал лапищи от своего драгоценного ноутбука и повернулся к другу Борьке, гундосящему за его плечом. – Если ты такой умный, что такой бедный? Заказ ты на неделю... это... задержал.

Невольно оказавшись зачинщицей очередной ссоры нашего обманчиво бесстрастного специалиста по железу и едкого, как щавелевая кислота, художника-керамиста, я поняла, что придется вмешаться. Ивор только кажется огромным и безобидным плюшевым медведем. Он и впрямь может очень долго терпеть и молчать, но если его допекли... Есть считалочка про клочки, которые пойдут по закоулочкам. И хотя я ни разу не видела, как гигант Ивор, на спор завязывающий узлом подковы, рвет кого-нибудь на куски, я верю, что он легко может такое проделать. Едва ли, правда, он порвет Борьку. Все-таки лучший друг. И единственный человек на свете, способный довести флегматичного полуэстонца до белого каления. Что сейчас и происходит, в настоящем, так сказать, времени. О котором и толкует Борис Абрамыч Сойка, получивший шаловливую кличку «Олигарх» из-за совпадения имени-отчества с исходными данными «лондонского изгнанника». Прозвище Борька терпеть не может. И все мы этим бессовестно пользуемся.

– Ивор, не обижай, голубчик, нашего Олигарха! Не ровен час, в Англию от тебя сбежит! Вы, Борис Абрамыч, там еще недвижимость не продали?

Борька, тут же забыв об Иворе, зашипел на меня разозленным гусем.

– Надька, сколько уже просил и еще прошу – это прозвище не желаю слышать!

– Ты, Боренька, не обижайся, – примирительно протрубила Контрабасральто. – Просто Ивор дело говорит – он хоть что-то придумывает, ведь это ты заказ не сделал в срок.

– Ах, какое горе! – «олигарх» в драных джинсах упер руки в боки. – Подумаешь, очередному толстосуму подождать пришлось! Тьфу! Не сахарный, не растает! Да кому вообще эти подарки-хренарки сдались? Нормальным людям они нафиг не нужны, ни у кого денег нет! Вот и сидите тут, – оборвал он сам себя, – пучьте мозги и прочие малоразвитые части тела, как бы так бы извиниться бы... А у меня дел по горло.

Решительно развернувшись, он чеканным шагом покинул поле битвы. Хлопнула дверь. Ивор скривился, его руки вновь неуверенно легли на клавиатуру и отдернулись:

– Не знаю, чего еще напisyвать. Глупо все как-то. Может, Борька и прав.

Друзья и коллеги завздохали. Что тут скажешь... Ведь правда – кому мы сегодня, в нашу кризисную эпоху, нужны? Фенечки, куколки, картиночки, стишки-открыточки, железки-деревяшечки... Взрослые дяди и тети, которые вместо того чтобы честно просиживать зады в офисах за нормальную зарплату, занимаются черт знает чем. Вечным праздником. Борька, по своему обыкновению, пнул всех по больным местам, навел тоску и удрал. Чего от него еще ждать! Олигарх голозадый, редкий склочник и вечно всем недовольный нытик. Он и райским обитателям переел бы плешь тем, что и воздух нехорош, и нектар не свеж. И вообще! Лучше бы киндзмараули наливали. А нальют киндзмараули – немедленно заявит, что предпочитает пиво. Плеснут пива – заявит, что хотел чаю. И так до бесконечности.

Борька был лучшим другом моего бывшего мужа до того момента, пока Ритка, в которую Олигарх долгие годы влюблен молчаливо и безнадежно, не женила Сашу на себе. Тут дружба лопнула с жалобным звуком перетянутой струны. Даже быстро последовавший развод Саши с Риткой и мое появление на сцене их не помирили, слишком много скелетов оказалось в шкафу. К тому же Олигарх, в отличие от моего бывшего, действительно талантливый художник. Он по-другому видит мир. И часто замечает такое, чего не замечает никто. А уродливость и некрасота ранят его едва ли не до судорог. И тогда он пьет киндзмараули и рвется бить морды.

Чаще всего морду бьют ему, хотя после знакомства с Ивором ситуация несколько выровнялась. Но раньше Борька бывал битым постоянно. Поэтому у него кривой нос, еще в детстве поленом приложили, неправильный прикус после перелома челюсти, недостаток пяти зубов и лавсановые связки на пальцах правой руки. Борькину раздробленную конечность собирал по кусочкам его дядя, хирург-травматолог. Еще до отъезда на историческую родину в Израиль.

Вся их семья – потомственные медики самого разного профиля. Вся семья. Кроме него. Борькино увлечение анатомией закончилось не дипломом врача, а призванием художника. Его неописуемо красивая, это даже на фотографиях видно, мать была такому исходу очень рада. А отец в сыне глобально разочаровался. Когда семейство наконец решилось и уехало в землю обетованную, Борька остался здесь. «Могилу мамы не брошу!» – орал он в ответ на все увещевания. Его оставили в покое в трехкомнатной шикарной квартире. Там он ненавязчиво и тихо догнивал среди пустых бутылок, книжек по медицине, фотографий, картин и... голов, глаз, рук, платиц, крыльев, башмачков. Среди буйства неповторимых кукол. Их создание Борька предпочел рисованию, тем более что из-за раздробленной правой руки рисовать нормально он уже не мог. Когда я предложила длинноносому нытику включиться в работу нашей странной конторы, он принес из дома десять чемоданов. Куклы, куклы, куклы. Сейчас они все проданы. Удивительно, сколько нашлось ценителей этого необычного искусства. От борькиных кукол трудно оторвать взгляд, их можно рассматривать часами. Но от большинства из них веет беспомощной растерянностью ребенка, умоляющего не выключать свет, потому что под кроватью затаился страшный бука. Действительно ли Борька боится жизни и поэтому, защищаясь неведомо от чего, все время склочничает, или это обычное свойство его характера, я не знаю. Мы уже привыкли. Но иногда ему очень хочется наподдать как следует в отместку за занудство.

Ну вот чего он сейчас взъелся? Отличный день, солнышко светит, сейчас нас по телевизору покажут, клиент наверняка после этого толпой поперет. Радоваться надо! Я утром из постели выпрыгнула мячиком, так хотелось на работу бежать. И сон мне просто чудесный приснился, теплый, яркий, с участием моего идеального незнакомца. Во сне он действительно вернулся ко мне с цветами. А вот в реальности – увы, риткино предсказание не сбылось. Да и ладно, еще не хватало из-за ерунды расстраиваться. Сбежал от меня – ему же хуже, утешала я себя, торопясь утром к метро и прокладывая замысловатый маршрут среди луж и выбоин в асфальте. Аккуратно обходя кучу разбитых бутылок, я принялась невольно сравнивать свой район с тем, диким и безлошадным, где меня подхватил элегантный незнакомец. Там – полно замечательных тихих магазинчиков и нет никаких обшарпанных ларьков, больше всего похожих на пропитых хамоватых бомжей. Там на улицах и во дворах – чисто! Можно спокойно гулять, смотреть вокруг, а не под ноги, как здесь, постоянно опасаясь во что-нибудь вляпаться. Вот просто интересно, почему здесь постоянно грязно, а там – чисто? И люди там другие. Спокойные и доброжелательные. Мимо меня, рыгнув, расхлябанной походкой прошагал благоухающий дрянным пивом недоросль в приспущенных рваных шатах. И вот пьяных я там тоже ни разу не видела, равно как и торчащих наружу резинок от трусов!

Штурм станции метро и толкотня в вагоне отвлекли меня от сравнений. Стиснутая со всех сторон и подпираемая чем-то загадочным снизу я оставила попытки выудить из сумки книжку и попыталась расслабиться. А что читают соседи? Скосив глаза направо, я наткнулась на «Джоан с нежностью разглядывала лицо Фила: его мужественный подбородок и смуглые руки...». Ой, только не это. Смуглые руки, растущие прямо из мужественного подбородка. Причем наверняка небритого. А что слева? «Бритый два раза нажал на курок. Изрешеченное пулями мертвое тело отбросило на капот...». М-да. За одного бритого двух небритых дают. И изрешеченное пулями мертвое тело нежной Джоан в придачу. Надо будет обязательно Ташке рассказать. Она такие опусы коллекционирует. Пока я старательно запоминала случайно прочитанные фразы, подоспела моя остановка. И не перепутать бы, думала я, трясаясь на эскалаторе, и направиться к Гришке, нашему хамоватому оружейнику-завхозу, который живет в двух

шагах от конторы, а не в саму контору, как в родное стойло. В гости к нему мы ходили часто, а сегодня и повод был достойный: совместный просмотр теленовостей с сюжетом про «Сюрприз».

Дверь у Гришки была нараспашку. Сам он, нависая пузом над лестничными перилами, курил и мрачно глядел в потолок.

– Здравствуй, Гриша, – осторожно сказала я. Чего от трезвого Гриши ждать – никогда не угадаешь. Но опыт показал, что после разговоров, точнее, разговоров с ним, ежели он изволил пребывать в сварливом настроении, все мысли из головы выдувает начисто. Хочется только одного – срочно выпить и швырнуть что-нибудь в стенку.

Гриша наш – наполовину казак. Все мужчины в его клане были и остаются военными. А он – отставной неудачник, позор семьи. Из армии его поперли после того, как он, гордясь принципиальностью, слил заезжим журналистам информацию о продаже оружия с воинских складов. О том, что было дальше, Гриша упорно молчит, но я знаю, что уход жены с ребенком его едва не доконал. Однако он все-таки сумел удержаться на самом краю, не спиться, не попасть на нары или на перо другому такому же «робингуду». Зато стал неисправимым пессимистом. О чем бы Гриша ни рассуждал, заканчивается всё одинаково: прогнозом «глада, мора и коня бледного». Сейчас он, слава богу, практически не пьет, и, похоже, в очередной раз влюбился, так что термоядерная горячность его предсказаний заметно поостыла. Когда мы с ним только познакомились, выдержать в его обществе более получаса смогли бы, наверное, только Кассандра и Нострадамус. Косясь сквозь очки выцветшими глазками шкодливого слоника и потирая дрожащей рукой багровеющую лысинку, Гриша благоухал дрянным коньяком, хрипло изрыгая проклятия и обещания скорейшего «пиздеца» всему – стране, городу, рублю, доллару, Америке, Японии, озоновому слою, галактике, бывшей жене и себе лично. Ох, и намучились мы с ним! Только острая необходимость новорожденной конторы в «настоящем мужике» дали нам с Риткой и Ниночкой силы не послать куда подальше испитого пухлого дядю с седой бороденкой, похожего на опустившегося Санта-Клауса. А работать Гриша умеет и любит, забывая о времени, выпивке и бабах. Он настоящий мастер на все руки. Правда, предпочитает военную и околов военную тематику. Изготавливает уникальные приклады для ружей, рукоятки ножей и мечей, ножны, копии старинного оружия, седла, сапоги, ремни, куртки... Однажды эльфийскую кольчугу сплел на пару с Ивором для чокнутой толкинистки. Умеет делать клетки для птиц и грызунов, скворечники-теремочки, поводки, ошейники. Может и кран починить, и проводку, и машину. Словом, все, что ни попросишь. Да что тут говорить, Гриша хороший дядька. Добрый, отзывчивый, смешной. Он был бы почти очаровательным, если бы по-прежнему не страдал повышенной сварливостью. Впрочем, с ним почти всегда можно договориться, если удастся взять себя в руки и без возражений выслушать все его вопли.

– Иди в хату, чего тупишь? – кивнул он мне. – Все наши тут, опять одну тебя ждем, я торчу, как дурак...

– Конечно, дурак! А что нам взять с дурака, кроме колпака? Да и этот колпак не продашь за пятак, коли нужен кому, забирайте за так!

На пороге, сверкая глазами, стояла Ташка.

– Идем скорее, в самом деле, – затараторила она. – Ивор с Ксюхой пирог притащили, объединение!

Я мысленно застонала. От стряпни любимой жены Ивора Ксюхи не смог бы отказаться даже питающийся святым духом йог. Оксана – богиня кулинарного искусства. С одной-единственной проблемой – она сама не может есть свою стряпню. Равно как и любую другую. Впихнуть в нее кусок еды – задача, которая под силу разве что Ивору, с его безграничной любовью к ней и вошедшим в пословицы эстонским долготерпением. Дело в том, что Ксюха выросла в интернате, куда попала из семьи хронических алкоголиков. Впрочем, семьей это назвать

было трудно. У Ксюхи, сколько она себя помнила, была только вечно опухшая с перепою мать, к которой временами пристыковывались такие же алканавты-сожители. По ксюхиным рассказам, чуть ли не с пеленок мамаша попрекала ее каждым отправленным в рот куском, мол, у матери отбираешь, которая тебя родила, ночей не спала. Потом в ход пошли уже не слова, а кулаки. Когда самоотверженную мамочку лишили родительских прав, и десятилетняя с ног до головы покрытая синяками Ксюха попала в интернат, девочка выглядела лет на пять-шесть максимум. Принятие пищи она и тогда, и сейчас, спустя без малого двадцать лет, воспринимала как нечто грешное, стыдное, вызывающее озноб и страх. Ест она только тогда, когда голод становится нестерпимым. Причем довольствуется корочкой хлеба и чашкой слабого чая. Думаю, скверную роль в ее фобии сыграло еще и то, что в интернате дохлую девчонку первое время пытались кормить насильно. Она отказывалась, плакала, кричала, а голодные интернатские питомцы, не обремененные чуткостью и состраданием, жестоко над ней издевались. Я однажды случайно увидела ее фотографию тех времен. Это был невесомый эльф, весь состоящий из огромных глаз, страдальчески изогнутых губ и темных волнистых волос. Впрочем, сейчас Оксана выглядит точно так же. В ее двадцать семь больше четырнадцати ей никто не дает. Даже шикарная коса, которую она отрастила ради Ивора, не прибавила, а убавила ей возраста, сделав Ксюху похожей на девочку-колдунью из украинской сказки. И кухарит она волшебю! Печет фантастические торты на дни рождения и свадьбы, готовит всякие ужасно смешные и милые пирожные в виде зверюшек для детских праздников, может, если нужно, составить великолепное меню торжества и приготовить всю эту прорву еды.

– Таня, Гриша, тащите ее скорее сюда! – донеслась из квартиры разноголосица моих друзей и коллег.

Когда мы вошли в комнату, ребята уже устроились кто где, поскольку мебели в Гришкиной квартире сроду не водилось, за исключением древнего продавленного дивана, шаткой тумбочки под телевизором и чиненого-перечиненого стула. На диван втиснулись Ташка и Ксюха, я присоединилась к ним. Ниночка оккупировала стул, а Ивор опустил прямо на пол, аккуратно вытянув босые ноги и блаженно прислонив голову к тощему ксюхиному бедру. На коленях у него, как всегда, лежал ноутбук, с которым он не расставался, по-моему, даже в туалете. Гришка, подумав, тоже плюхнулся на пол. Ритка, по своему кошачьему обыкновению, пристроилась на подоконнике. Рядом с ней приткнулся Борька, как никогда похожий на тощую унылую ящерицу. До начала новостной программы, в которой должны были показать и сюжет про «Сюр-приз», оставалось минут двадцать. Мне, как назло, пришло в голову, что раз уже Ивор все равно сидит с ноутбуком, то мы как раз успеем сочинить покаянное письмо обиженному борькиному клиенту. В итоге мы в очередной раз остались без Олигарха и с испоганенным настроением.

Хотя начавшая вскоре новостная телепрограмма изрядно нас повеселила. Ничего из того, о чем с пафосом сообщали корреспонденты, мы просто не видели вокруг. Антикризисная акция, не пойми против чего, заикающаяся в микрофон встрепанная профсоюзная лидерша. Губернатор открывает новый объект, торжественные речи и вампирские улыбки чиновников. Возмущенные реплики жителей окрестных домов, дедушка в орденах эпилептически трясет бидоном, разбрызгивая молоко. Гастроли зарубежного театра, все актеры побриты налысо и орут. Оказывается, новая трактовка «Гамлета».

– ...и делать подарки братьям нашим меньшим. Репортаж нашего корреспондента Олега Лискина о необычной работе необычных людей!

– О! Про нас, про нас! – запрыгали одновременно я и Ташка. – Про нас!

– Тише вы! – прикрикнула Ритка.

– Ой, Надька, это же ты! – заверещала Ташка.

Мамочки, неужели вот это – я? Срочно худеть, срочно! Носорог в юбке! Это что, я говорю? Это у меня такой голос?! Нет, я всегда знала, что я не красавица, но чтобы настолько...

Ужас, просто ужас. Круги под глазами, на голове гнездо, косая сажень в грудях и в задях... Теперь понятно, почему вчерашний незнакомец со мной знакомиться не захотел. Почувствовав, что сейчас разревусь от обиды, я украдкой сползла с дивана и ушмыгнула в кухню.

Моего бегства никто не заметил. Ребята, как всегда шумно и бурно, обсуждали увиденное. «А ты-то! А сама! Вы на Воряку посмотрите! Надюха молоток! Да уж! Гришка своим пузом все испортил! Ну и рожа!» – доносились до меня их выкрики. «Я вообще на себя не похожа!», – это Ташка. «Говорил я, что ничего хорошего..», – это Гришуня. Впервые в жизни я готова с ним согласиться. И впрямь, ничего хорошего.

– Надь, – заголосила Ксюха. – Ты видала, какая я корова? А вы меня Освенцимом дразните!

Так, надо взять себя в руки. Уж если невесомая Ксюха себя коровой увидела, значит, все не так плохо. Может, у Гришки телик испорчен, всех в колобков превращает. Глубокий вдох, никаких слез, глупость все это, идем к народу. Давай, дорогуша, не кисни!

Нацепив на лицо умудренную улыбку буддийского монаха, я вернулась в комнату, где телик все еще мельтешил разноцветными картинками. Тьфу, гадость. В жизни больше этот ящик не включу! Вдруг изображение стало неподвижным. Черно-белая мутная фотография. Вздвогнув, я стала вглядываться в экран. Голос ведущего поспешно зачитывал: «...автомобиле неизвестной марки без госномеров обнаружен труп мужчины без документов, на вид лет тридцати, рост сто восемьдесят семь сантиметров, волосы темные, глаза серо-зеленые, одет в костюм цвета кофе с молоком, белую рубашку, галстук с золотой булавкой в виде скарабея. Всех, кто видел или знает этого мужчину, ГУВД просит обратиться в ближайшее отделение милиции или позвонить по телефонам...»

Высокий. Волосы темные. Глаза серо-зеленые. Взгляд обволакивающий. А улыбка... Какая у него была улыбка... Вот почему он не вернулся...

Заказ №

Кукла портретная «Ангел коварства». 1 шт. Фото модели прилагается.

Рост куклы – 48 см. Материал – литьевой фарфор. Ручная роспись лица. Лебединое перо, латунная проволока, клей (крылья). Кашемир (волосы). Шелк, льняное полотно и бисерные украшения ручной работы (наряд). Ясень, медь, кожа (арбалет, стрелы, колчан).

Срок выполнения заказа – 16 рабочих дней.

Подтверждено заказчиком Авиловым Г. О.

– И ты всерьез думаешь, что в эту сказку кто-нибудь поверит? – Ритка, хлопнув дверцей машины, вышла проводить меня до парадного. Уставшая и расстроенная, я неосмотрительно согласилась на ее вкрадчивое предложение подвезти меня до дома. Пожалела я об этом на первом же километре пути, но было поздно. Пришлось в подробностях поведать всю историю. Ритка моего теперь уже покойного спасителя на телевизионной фотографии не узнала. Сначала даже не поверила, что это он, пыталась меня убедить, что я ошиблась. Тогда я ей напомнила, что диктор говорил о машине неизвестной марки.

– Все равно странно, – задумчиво протянула она. – Даже если у твоего невезучего сэра рыцаря украли все документы, выяснить имя автовладельца можно в два счета. Максимум – в три, если ездит по доверенности. Пробивают номер по базе...

– Номеров на машине не было, – устало вздохнула я, ища в сумочке ключ от домофона.

– Номеров не было? – Ритка вздернула брови. – Интере-е-есненько...

– Не знаю, что тут интересненького. Мне теперь надо идти в милицию, рассказать, где я его встретила и как. Может, хоть что-нибудь прояснится. Я ведь была последней видевшей его в живых! Получается, что он умер почти сразу, как мы расстались. Ну почему же он умер?!

Ритка пристально посмотрела мне в глаза. Покачала головой.

– Ты, красавица, конечно же, сама будешь решать. Но я бы на твоём месте ни в милицию соваться не стала бы.

– Посмотрим, – вяло махнула я рукой.

– Разумеется, – кивнула она. – Отдыхай. И не кисни. Прискачет к тебе другой сэр рыцарь на белом коне.

Я печально улыбнулась ей и поплелась домой.

Интернелюдия

Город спал. Он спал, словно нерожденный птенец, надежно укрытый такой хрупкой и такой до поры несокрушимо прочной оболочкой. Конечно же, в городе не было пусто и безлюдно. В центре шумные компании блуждали из бара в бар в поисках тепла и любви, не замечая, как и то, и другое печально уходит все дальше и дальше. В темных парадных и на скамеечках бульваров ворковали влюбленные. Там и сям желтыми глазами пантеры вспыхивали пробуждающиеся окна, а призрачные силуэты за стеклом начинали таинственный танец. Ночные охранники, зевая и почесываясь, прикладывались кто к чашке, кто к фляжке, глядя в телевизор и размышляя о крутизне Рэмбо и конце смены. В тоннелях метро обиженно гудел последний поезд... Но город все-таки спал. И видел сны.

А спальные кварталы, крепкой сетью окружившие дряхлое сердце города, дышали. Дышали полной грудью. Вязкая темнота осени – это было их время. Нежный шепот падающих листьев, холодные поцелуи ветра на мокрых крышах, волшебный блеск асфальта и канкан бледных звезд на подмостках усталого неба. Спальные кварталы стояли вокруг прогнившей сердцевины города, словно молодые верные вассалы вокруг умирающего барона.

Они были бедны. Они были невежественны. Они были некрасивы и жадны. Они были юны. Но, увы, не настолько, чтобы не осознавать свою бедность, свое невежество, свою жадность и некрасивость. И поэтому они любили осень и милосердную черноту осенних ночей. Она позволяла им забыть о своем уродстве, ласково помогала не видеть... Они не любили смотреться в жестокое магическое зеркало белых июньских ночей. Оно издевалось над ними, грубо выпячивало их потертую серость, резкие, угловатые линии, корявую прямоу улиц, жалкую одинаковость стен и дворов. Белая жалость зимы тоже была им не по вкусу. Они не хотели жалости, нервно и яростно они сдирали с себя снежные одежды, превращая их в морок и слякоть.

Они были сильны. Но пока не знали своей силы. Осень – вот единственное, перед чем они еще склонялись, почтительно и благоговейно. Они боготворили осень – старую и всякий раз новую возлюбленную. Но в этот раз... В этот раз они стали ее бояться. Она принесла с собой звук. Тихий, одновременно далекий и близкий, этот звук был им знаком и незнаком. Знаком, потому что биение дряхлого сердца города они слушали и молчаливо охраняли уже много лет. И незнаком, потому что впервые они услышали этот робкий стук рядом с собой. За гранью своего крепкого молчаливого круга. Им стало страшно. Впервые они поняли, что означает ждать. Затаившиеся в осенней мгле, они слушали, грезили и ждали. Они были все еще молоды. У них еще было время научиться ожиданию.

Новое арт-кафе «Готика» ждет посетителей

Сегодня в нашем районе состоялось торжественное открытие нового арт-кафе ужасов «Готика». Как отметил владелец кафе Илья Лазерсон, заведение такого уровня в нашем районе – первое. «Посетители нашего арт-кафе смогут не только отведать изысканные блюда и экзотические напитки, но также интересно провести время с друзьями, послушать живую музыку и поучаствовать в различных конкурсах», – сообщил он.

Совсем недавно на месте арт-кафе находился продовольственный магазин, закрытый на капремонт пять лет назад. Теперь бетонная коробка преобразилась: фасад здания декорирован готической лепниной, окна стали стрельчатыми, как в старинном замке с привидениями. Интерьер поражает воображение: с потолка свисают летучие мыши, на стенках мерцают факелы,

у барной стойки сидят в обнимку два скелета. Обстановка пропитана духом средневековья и мистики.

По словам Старкова, создание кафе было бы невозможно без помощи талантливых дизайнеров арт-салона «Сюр-приз». «Ребята предложили порясающую идею. Да, это место не для всех, но я уверен, что те, кто однажды придет сюда, будут возвращаться снова и снова. Я счастлив распахнуть двери кафе для посетителей», – заявил он.

Арт-кафе «Готика» ждет посетителей ежедневно с полудня до пяти часов утра. Адрес кафе:...

ЗАО «Салон подарков «Сюр-приз» начало свою деятельность в 200... году. Компания изготавливает эксклюзивные подарки, одежду из экологически чистых материалов, авторскую керамику, кукол, вещицы из металла и дерева, занимается аэрографией, оформлением интерьеров. Известна своим нестандартным подходом к работе.

Гоша Питерский. Газета «Мой район».

День третий

Всю ночь мне снились кошмары. Улыбчивый сэр рыцарь, ставший покойником с черно-белым лицом, гонялся за мной по лабиринту пустынных улиц, пытался схватить за плечи, что-то беззвучно шептал и осыпался на землю ворохом гнилых тряпок. Проснувшись я совершенно разбитая. Какой разительный контраст со вчерашним радостным пробуждением! Ехать на работу совсем не хотелось, но надо было. Выходной у нас будет завтра. Наша контора по выходным пашет, а в понедельник пляшет.

Итак, выходной – завтра. А сегодня – вперед, к новым свершениям невзирая на кошмары. Вытанцовывая перед зеркалом, я заметила, что уже не мешало бы записаться к парикмахеру. Отыскав в сумке «вечный» календарь из тонкого серебряного листа, подарок оказавшегося совсем не вечным мужа, я завертела дисками с хитрой гравировкой, пытаюсь понять, какое сегодня число и на когда мне имеет смысл записываться. Так, сегодня у нас... Ноги внезапно ослабели. Тот самый день. Годовщина... Десять лет... Прошло уже десять лет. Десять лет со дня гибели папы и его второй жены Ларисы. Как дико и нелепо они погибли... Впрочем, в эпоху распальцовок и разборок подобные смерти не были редкостью. Но папа и Лариса...

Всему виной была трагическая, невозможная случайность. Тогда, в этот самый день десять... Нет, не укладывается в голове... Десять лет назад... Шел дождь, это я точно помню. Сентябрь того года вообще выдался необыкновенно капризным, словно выбившаяся в герцогини горничная. Солнечные, по-летнему жаркие дни сменялись промозглыми, ветреными, едва ли не ноябрьскими вечерами. И наоборот, болезненное, измученное стылой моросью утро к полудню с радостным звоном рассыпалось медными листьями-монистами, играло на струнах ветра и цыганской шалью раскидывало над городом яркое синее небо.

А в тот день зарядил дождь. Он расстреливал город картечью в упор, от мокрых пуль не спасали ни зонтики, ни капюшоны. Отец, в последние пару лет ударившийся в бизнес, закрывал в ресторане сделку с новым партнером, крепкогрудым братком. Ларису папа взял с собой для разрядки обстановки, а еще потому, что, помолодевший и влюбленный, не хотел расставаться с ней ни на минуту. Партнер ухитрился ужраться до состояния бурагины. Ни охраны, ни водителя у него не было. Дождь смеялся в лицо и смывал с пустых улиц людей и автомобили. Папе и Ларисе не удалось поймать такси, чтобы транспортировать бухое тело братка на место постоянного пребывания. А может, встречные автомобилисты просто не хотели связываться с пьяным до беспамятства представителем дикого капитализма. И папа, как человек воспитанный и непьющий, решил лично отвезти братка домой на его крутой иномарке. «Мерс» не проехал и десяти метров. Взрывной волной выбило стекла в двух окрестных домах, а в кафе, где пьяный урод подписал смертный приговор моему папе и синеглазой хохотушке Ларисе, осколками были ранены шесть человек. Дождь, как наемная плакальщица, щедро поливал слезами и дымящиеся обломки автомобиля, и любопытных зевак, и приехавшую милицию. Вечно идущему неизвестно куда бродяге-дождю было всё равно... Тех, кто подложил в машину братка бомбу, так и не нашли. Хоронили отца и Ларису в закрытых гробах. Хотя закапывать там было нечего.

Это произошло на третий день после моей свадьбы с Сашей, на которой веселый, сам всего месяц назад женившийся отец громче всех орал «Горько!» и танцевал то со мной, то с Ларочкой.

До сих пор не знаю, как мне удалось пережить то время... В моем разводе с Сашей их гибель сыграла если не основную, то очень значительную роль. Саша женился на веселой застенчивой девушке с русой косичкой. В одночасье улыбка девятнадцатилетняя девчонка превратилась в седеющую зомби. И все свалилось на Сашу, неплохого художника, милого и доброго, но слабого человека. Получилось так, что кроме него, у меня никого не было.

Мама... Ну что мама... Она сидела в своей Франции, куда сбежала сразу после моего восемнадцатилетия, оставив дочке квартиру и наезжая не чаще раза в год. Даже на похороны не приехала... Саша старался, как умел. Вытирал слезы и сопли, гладил по головке, покорно вскакивал в три часа ночи и бегал за валерьянкой...

Убийц отца и Ларисы так и не нашли. Меня, партнеров отца, родственников и друзей Ларочки вызывали на допросы, вроде бы даже что-то продвигалось вперед. Но в итоге дело зависло.

Десять лет! Тогда, в девятнадцать, мне казалось, что я не доживу до двадцати. Просто не выдержу. Если бы, крутилась тогда в моей голове бесконечная шарманка, если бы их убили специально... или если бы это была болезнь... если бы автокатастрофа... если бы этот козёл не напился... если бы они поймали такси... если бы папа выпил... если бы он не умел водить... Если бы... Если бы... Если бы! Каким же я была ребенком... Уверенным, что всегда можно что-то сделать, исправить, словно распустить и переплести заново незадавшуюся фенечку. Дождь... Вечный хмурый дождь и остановившиеся в полете круглые капли до сих пор иногда приходят в мои сны. И я бегу в этой вязкой хрустальной пелерине, с трудом переставляя ватные ноги, задыхаясь и не успевая... Не успевая предупредить, хотя бы крикнуть...

Однако же я выжила. Отрезала и выкрасила в ярко-рыжий, клоунский цвет седеющие лохмы. Волосы и теперь приходится подкрашивать каждый месяц. Плюнула на рисование, вдруг четко осознав, что художницы из меня не получится. Не думая, словно перелетная птица, на инстинктах, впервые в жизни ударились в спорт, изнуряя себя до стонов, до десятого пота. Лишь бы не думать, забыть обо всем, стать совсем другой. От прежней меня осталась только игра в бисер, хотя все свои работы, сделанные до того дождливого дня, я раздарила и распродала за гроши. Ходила по улицам с коробкой, доверху заполненной сверкающим разноцветием ожерелий, гайтанов, браслетов, поясов. Картонный бок коробки украшала выведенная угольным карандашом надпись «Продается». На вопрос прохожих «Почем?» я, мучительно, через внутренний стон принуждала себя мило улыбаться и весело отвечать «Сколько дадите!». В конце концов улыбка и жизнерадостный ответ стали для меня естественными, маска приросла к коже. Оставшиеся часы, каким же длинным вдруг оказался день, я решила посвятить более тесному знакомству с бывшей женой Саши. То есть с Риткой. Я, признаться, думала, что частое общение с этой самовлюбленной стервой будет выпивать из меня все соки, и сил на душевные терзания не останется. Я ошиблась.

А с Сашей все было уже совсем плохо... Прежняя Наденька должна была уйти. Любимым способом мне нужно было избавиться от нее. Я выбросила все свои старые фотографии, пыталась изничтожить мои портреты, написанные Сашей, но он не дал. Скандалили мы из-за этого жутко. Я вопила, что не желаю жить прошлым, он орал, чтобы я не смела ничего трогать. Откричавшись, я хватала рюкзак и неслась в больницу к Маргарите, покупая по дороге фрукты, открытки, игрушки, а если совсем не было денег – собирая для нее, художницы с безупречным чувством цвета, красивые опавшие листья. Лишь бы забыть. Лишь бы забыться.

И Ритка помогла мне в этом гораздо больше, чем я ожидала. Разговоры с ней, злой, умной, изжелта-бледной, худющей, исколотой обезболивающими и не способной самостоятельно передвигаться, были подобны запаху нашатыря. Вышибали слезы из глаз и прочищали мозг. Походы к Ритке, сначала в больницу, а потом и домой, стали для меня чем-то вроде паломничества. Это был еще один, как и продажа фенечек, способ заново научиться общаться с людьми. Не раскрываясь до конца, как я умела раньше, но и не заковываясь в панцирь отстраненности, тугими кольцами сдавивший тогда мое сердце. Ритка понимала, каково мне было. И помогала, незаметно, едва ощутимыми тычками направляя, исподволь обучая меня сложнейшему искусству одновременно быть и не быть собой. Искусству, которое сама она уже освоила в совершенстве. Ради которого, собственно, и улеглась в больницу на в общем-то ненужную, но необходимую, с ее точки зрения, операцию по удлинению ног. Ей тоже было

нелегко. Мы были две измученные болью стремительно взрослеющие девочки. Только ее боль была самой что ни на есть физической, выкручивающей тело, словно огромные распаренные руки прачки свежестиранное белье. Мне же выкручивало душу. Ее терзания можно было унять обезболивающими, но она предпочитала терпеть до последнего. Терпеть – и улыбаться. Глядя на нее, я училась, училась, училась. Сейчас я знаю, что именно Ритка позже, в процессе постепенного знакомства с теми, кто сейчас числится сотрудниками нашей странной конторы, вкратце сообщала им мою историю. Чтобы не задавали ненужных вопросов.

Но это было потом. А тогда я просто перенимала у Ритки умение казаться, а не быть. Наука эта была дьявольски занимательной. Я тратила на нее все свое время. И не знала, чем занимался в мое отсутствие Саша. И не думала об этом. Когда же запах перегара и валяющиеся повсюду пустые бутылки пробились сквозь мою заново отращенную гибкую броню, сделать нельзя было уже ничего. Только разводиться.

Но я ни о чем не жалею. В те годы было много плохого, но и очень много хорошего. В те годы я нашла себя и окончательно стала собой. С собой нынешней. Упрямой, неунывающей, разборчивой в друзьях, скрытной, вернее, умеющей менять маски, общительной, самостоятельной... В те годы, еще до развода, появились и первые, еще смутные и неоформившиеся, идеи того, чем я и все мы занимаемся сейчас.

Но тех, кто убил Дмитрия и Ларису Гловых, так и не нашли. Ох, этот дождь. Вечный вязкий дождь... Никто из свидетелей не мог или не хотел вспоминать. Не крутился ли кто-нибудь возле машины незадолго до взрыва? Не было ли вокруг чего-нибудь подозрительного? Не ушел ли кто-нибудь из ресторана сразу после взрыва? Все молчали... Может быть, если бы нашелся человек, запомнивший что-нибудь подозрительное и рассказавший об этом оперативникам, то был бы шанс найти убийц?

Наконец я поняла, что меня гложет. Пусть Ритка говорит, что хочет, но завтра я пойду в милицию и расскажу все, что знаю о незнакомце. Пусть мне известно очень мало. Неважно. Любая мелочь имеет значение. Я не знаю, кто и почему убил его. Не исключено, что на самом деле он был вовсе не благородным рыцарем, а мерзавцем. Это неважно. Главное – всё рассказать. Если это хоть чуть-чуть поможет, значит, уже не зря.

Есть еще одна вещь... О ней я не говорила даже Ритке. Тогда, на моей свадьбе... Разгоряченная танцами сияющая Ларочка со счастливым вздохом плюхнулась рядом со мной на стул, коснулась губами бокала – не с шампанским, а с простой водой, и, внезапно обхватив меня горячими руками за шею, прошептала в самое ухо: «Надька! С ребеночком не затягивайте! Если поторопитесь, мы сразу два поколения в один детский сад отдадим!» Знал ли папа? Сказала ли она ему? Брату или сестре было бы сейчас девять лет... Видно, не судьба.

Интерлюдия

Живу я или не живу – какая разница?
Лишь черти в драных башмаках смеются-дразнятся.
Останусь вековать здесь бобылихою
Или к чертям пойду плясать-гулять купчихою?
А под-над полем солнце караваем черствым катится.
Живу я или не живу – какая разница?
Дожди слезьми распорют щек платочек шелковый.
Стареешь, девка... Плачет волк, в капкан защелкнутый.
Бегу по скотному двору – дурная курица.
Хозяин курит самокрутку, ждет да хмурится.
Ох, ловко, шельма, топором оттяпал голову.
Сироп малиновый – по лезвию... По холоду...
Чего кривисся, ситный друг, слова не нравятся?
Живешь ты или не живешь – какая разница?
Хоть именины, хоть поминки – гости пьяные,
Да лики скорбные икон, лампадки смрадные.
Гляжу, как жихарки вокруг пыхтят да маются.
Живем мы или не живем – какая разница?
Кому – деньжат, кому – внучат, кому – спокойствия.
На сердце – панцирь-береста тугими кольцами.
То кровь иль тесто запеклось, присохло коркою?
Не отодрать, не отмолить... За кончик дергаю.
Рвануть бы с хрустом... Чтобы сразу... Только боязно.
А ну как высадят в лесу глухом из поезда?
Вот и бреду себе вперед, слепая странница.
Живу я или не живу – какая разница?
Тук-тук... Тук-тук... Стучит моя клюка по камушкам.
В котомке драной хлеб да соль, да дырки в варежках.
Семь пар сапог железных – сбиты-стоптаны.
Пошла бы дальше босиком – дороги порваны.
Искала счастье, а беда кружила около.
Кадриль плясала, грязным пальцем по лбу шелкала.

День четвертый

– Че, мля, стоишь, как неродная?!

От хриплого матерного окрика за спиной я испуганно завертела головой и чуть не свалилась в разлегшуюся прямо передо мной огромную, как океан, праматерь всех луж нашего района. А позади меня, подбоченившись, остановилась бухая красномордая бабища. От нее несло мочой, бомжатником и помойкой.

– Че стоишь?! – вновь заорала бабища. – Приличным людям пройти не дает, памятник!

Протяжно рыгнув, она целеустремленно зашагала мимо меня и напрямик через лужу, всколыхнув ее илистые глубины. На исполинском тылу бабищи обнаружился короб, битком набитый пустыми бутылками, мятыми алюминиевыми банками и тряпьем. Неожиданно бабища наклонилась, запустила руки в лужу по самые локти и выудила оттуда облепленный грязью рваный сапог. Вылив из голенища мутную воду, она обтерла находку рукавом и, довольно урча, двинулась дальше.

– По улице ходила голодная Годзилла, – обалдело пробормотала я ей вслед и с раздражением уставилась на урбанистический куб отделения милиции. Он уныло серел на другом берегу гигантской лужи, охраняемый ею, как средневековый замок рвом. Неужели милиция не может как-нибудь укротить водную стихию, преграждающую гражданам путь к закону и порядку? Или они тут специально эту лужу растили, чтобы к ним без вездехода никто прорваться не смог? Развернувшись и с трудом преодолев лужищу долгим кружным путем по грязи, я все-таки приблизилась к заветной милицейской двери и решительно дернула за ручку. Дверь не открывалась. Мне ужасно захотелось развернуться и уйти домой.

Хотя странно. Когда я была здесь в последний раз, всё было по-другому. Тогда по стране пронесся клич, призывающий граждан менять паспорта, и в отделениях милиции выстроились длиннющие очереди. Повсюду бегали люди в форме, из дверей периодически выходили довольные обладатели новых документов. Казалось, вместе с паспортом человек получал другую жизнь, начатую с чистого листа... И какую жизнь! Мужчина лет сорока, с лицом счастливого, выигравшего в лотерею автомобиль, остановился на ступеньках и, бездумно вглядываясь в красную книжицу, стал шелестеть страничками. Улыбка сползла с его лица, словно клоунский грим под напором воды из брандспойта. «Но это же не моя жена!» – взвыл он, с ужасом глядя в паспорт. Очередь со злорадным сочувствием смотрела на несчастного, которому предстоял второй круг мытарств. Опять стоять в очереди, заполнять бесконечные бланки и ждать, ждать...

Мои воспоминания внезапно были прерваны той самой дверью, за ручку которой я продолжала цепляться. Распахнувшись и чуть не расквасив мне нос, она выпустила на волю особь мужского пола, принадлежащую к виду Хомо Милиционерус. Особь обладала хитрыми пороссячьими глазками и круглым пузцом. Такой «трудовой мозоли» я не видела даже у Гриши в его самые плохие годы. Интересно, а как этот доблестный страж порядка бегают за преступниками? Да его же инфаркт хватит на первой стометровке! Мне стало и смешно, и неловко. Хомо Милиционерус походил на раскормленного ленивого кенгуру. Сплета коротенькие лапки на пузе, он выпучил глазки и рявкнул:

– Вам чего?

– Э-э-э... видите ли... по телевизору показывали, – пытаюсь сформулировать фразу и сдерживать глупую улыбку, я почувствовала себя полной дурой. Надо взять себя в руки. – Показывали репортаж, – заперевав на замок иронические ассоциации, деловито продолжила я, – про автомобиль без номеров и умершего человека. Машину с трупом обнаружили здесь, неподалеку. Свидетелей просили звонить или зайти в отделение. Понимаете, я живу близко, и этот человек меня подвозил. Может быть, я последняя, кто его видел. Вот я и пришла...

Милиционер подозрительно оглядел меня с ног до головы, так что мне срочно захотелось проверить, все ли на мне застегнуто, почему-то презрительно хмыкнул и после долгих раздумий спросил:

– Какого числа?

– Что «какого числа»?

– По телевизору когда, говорю, показывали? Вчера? – я закивала. – А-а... Это жмур Решетникова. только его сейчас нет, он типа на выезде. Но вы можете подождать. Паспорт с собой? – вдруг очень требовательно гаркнул страж порядка.

– Чей? – испуганно дернулась я и с тоскливо-веселящей безнадежностью ощутила, как деревенеют мозги – дело обычное при посещении госучреждений. Милиционер молча смотрел куда-то мимо меня. – А да, конечно, вот... – я закопошилась в сумочке.

Зачем ему мой паспорт? А если бы у меня его с собой не было? Это кенгуру надело бы на меня наручники прямо на пороге? Наконец паспорт нашелся и я протянула его милиционеру. Послюнив сардельку указательного пальца, он вяло перелистал странички, вернул мне аусвайс, махнул рукой себе за спину и неразборчиво просипел:

– По коридору и направо, двадцать седьмой кабинет. Вася, пропуск дай гражданочке!

После этого кенгуру окончательно потерял ко мне интерес и удалился.

Ффу-у... И куда идти? По коридору. Направо. Или налево? Обшарпанные стены, выкрашенные когда-то зеленой краской, пестрели воззваниями перестроечных времен, загадочными «Правилами» и плакатами «Их разыскивает милиция», с которых таращились разнообразные рожи и хари в духе иллюстраций к Рабле. Зачарованная омерзительным великолепием, я пропустила поворот и врезалась в тяжело шагающую мне навстречу крупную женщину с вытравленными перекисью волосами, в ватнике с погонами на плечах. Слоновья нога милиционерши, обутая почему-то в испачканный мелом валенок, в то время как другая нога была втиснута в кирзовый сапог, с неотвратимостью снежной лавины припечатала к серому линолеуму мою замшевую туфельку.

– Куда? – трубно спросила обладательница оружия. – Шляются тут...

– Извините, – нелогично пискнула я, пытаюсь выдернуть ногу из-под, казалось, набитого камнями валенка. – Я к Решетникову, – тут мои разбегающиеся глаза углядели вдали дверь с покосившейся табличкой «27». – Мне вон туда...

– Сказала бы я, блядина, тебе куда, – буркнула милиционерша, ощупав меня неожиданно цепким и злым взглядом, еще сильнее надавила мне на ногу и, ухмыльнувшись, пошла дальше, громко бухая в пол тяжеленным кирзачом.

Я уставилась в пространство перед собой, отвалив челюсть. Ничего себе... Хромая, добрела до заветной двери и осторожно уселась на жесткую скамейку, притулившуюся рядом. Ну ничего себе! Буханье кирзача уже стихло, а я все никак не могла придти в себя. Это уж слишком. Привычное, каждодневное хамство, с которым сталкиваешься постоянно, в транспорте, в магазине, никогда не производило на меня такого убойного впечатления. Тут мимо пронеслась модно одетая девица, всхлипывая и размазывая по лицу поплывшую косметику.

– Сволочи... какие же сволочи, – бормотала она. – А ты что здесь сидишь, дура? – внешне обратилась она ко мне. Ее хорошенькое личико было перекошено гримасой боли и отчаяния. – Думаешь, тебе здесь помогут? Хрен! – и побежала к выходу, цокая каблучками.

Я медленно выдохнула и откинулась на спинку. Под лопатку немедленно воткнулся гвоздь. Ойкнув, я выпрямилась и подвинулась на краешек скамьи. Правая колготка тут же зацепилась за коварно подвернувшийся заусенец и разъехалась широкой «стрелкой». Тьфу ты, черт! Мне отчаянно захотелось домой. Может, и впрямь удрать? Забыть обо всем. Но услужливая память зазвучала во мне равнодушными голосами: «Надежда Дмитриевна, на данный момент мы не располагаем никакими сведениями... Проводятся следственные мероприятия... Нет, надо сидеть. Иначе я потом изведусь. Но как хочется уйти!

Надо расслабиться и подумать о приятном. Мысли привычно переключились на мой замечательный безлошадный райончик, где так много хороших магазинов, вежливых продавщиц и интеллигентных бабулек с воспитанными внуками. Да, тамошние никогда не нахамят, как тетка в валенке. Кричать тоже, наверно, не станут, как эта несчастная девица... Интересно все-таки, почему там всегда так чудесно? Может, в тамошних новостройках все квартиры скупили какие-нибудь исключительно порядочные люди? Ага, тайно выведенные в спецпитомнике. Бред! Но там все так чинно-благородно. Как безымянный принц на металлическом коне, который спас меня в день презентации и в память о котором я просиживаю свой костлявый зад на жесткой скамейке в милиции. Какой был мужчина! Ведь просто идеал. Вздыхнув, я мысленно согласилась с Риткой. Шляпа. Самая настоящая шляпа. Что уж теперь... А как все романтично начиналось...

Итак, маршрутка, игриво вильнув мне на прощание, скрылась за углом. И вот я стою, растерянно гляжу на часы и понимаю, что опаздываю уже безнадежно. Время поджимает, люди ждут. Что делать-то будем, красавица? Тачку искать. Ни автобуса, ни маршрутки мне здесь не дожидаться, а пешком я в своих супермодельных туфлях далеко не уйду. Тачку! Черта с два я тут что-нибудь поймаю. Отсюда и сюда выбирать – целая проблема. Ладно, как сказала бы Ксюха, ай хэв э плэн! Встать на обочине, вытянуть длань, гордо задрав к небу большой палец... И никого. Ни одной машины. Только местные жители, проходя мимо по тротуару, с сочувственными улыбками наблюдают за моим нервным пританцовыванием. «Ловись рыбка большая и маленькая»... – бормотала я, переступая с ноги на ногу, как застоявшаяся скаковая кобыла. «Рыбка» не ловилась, бесценные минуты утекали водой в песок, изморось окутывала мое лицо влажной вуалью. Сейчас еще косметика потечет, только этого не хватало. Зажмурившись и сжимая кулаки, я начала давать торжественные обещания, что я обязательно сделаю, если сейчас возле меня остановится ну хоть какая-нибудь, самая затрапезная машина. Лучше бы, конечно, не затрапезная, а совсем наоборот. Что-нибудь гладкое, сверкающее, стального синего цвета. И за рулем прекрасный принц, в костюме, в шелковой рубашке, с белозубой улыбкой. Услышав резкий визг покрышек по мокрому асфальту, я поспешно открыла глаза. Автобус? Жигуленок? Запорожец? Бегом! Но ноги двигаться отказались. Раскрыв рот, я смотрела, как сверкающий синий автомобиль резко разворачивался поперек пустой трассы, явно намереваясь остановиться около меня. Вот он повернул. Вот, сбросив скорость, подъехал ко мне. Остановился. Передняя дверь плавно открылась...

Девушка, садитесь, я вас подвезу. Вам куда?

Какой голос! Да за таким голосом я готова пойти на край света: глубокий, грудной баритон просто завораживал. Этот голос хотелось слушать бесконечно, хотелось купаться в нем, словно в теплом море. Набрав в грудь воздуха, я не раздумывая нырнула в полумрак салона, стараясь не уронить покупки и выглядеть поизящней. Поизящней не получилось: разумеется, сумочка соскользнула с плеча, содержимое пакета запросилось на волю, в пампасы, и я, придерживая все это безобразие чуть ли не зубами, с размаху плюхнулась на сиденье. «Ну прямо как корова», – с досадой подумала я, поворачиваясь, чтобы поблагодарить владельца прекрасного голоса. Когда я взглянула на него, у меня перехватило дыхание.

У каждой женщины есть свой Идеальный Образ Мужчины. Это как идеальный газ: его не существует, но представить можно. ОН был прекрасен. Тонкие черты, светлая кожа, темные с проседью на висках волосы и пронзительно синие глаза. Чувственные губы а-ля Элвис Пресли были изогнуты в радушной улыбке, открывая сверкающие ровные зубы. На нем был стильный костюм цвета кофе с молоком, ослепительно белая рубашка и отлично гармонирующий с костюмом галстук, к тому же заколотый благородно-неброской булавкой в виде моего любимого египетского солнечного символа – скарабея. «Такого просто не бывает!», – подумала я, пытаясь незаметно ущипнуть себя побольнее, а вслух, запинаясь и краснея, произнесла:

– Спасибо вам огромное. Тут транспорта не дождешься, а мне срочно нужно в центр. И если вам по пути...

– Конечно, по пути! – весело отвечал он, газуя так, что меня отбросило на спинку сиденья. – Я как раз думал, а почему бы мне не прокатиться в центр? А тут вы стоите — прекрасная незнакомка. Вот, думаю, заодно и сделаю доброе дело – подвезу девушку.

Принц нажал какую-то кнопку сбоку от руля, о назначении которой я могла только догадываться, так как ничего не смыслила в машинах, и сосредоточился на дороге.

«Ну, спроси же у меня что-нибудь!», – думала я, чувствуя, что сейчас не в состоянии начать фривольную болтовню. Столкновение с идеальным мужчиной ввело меня в ступор. Ну спроси хоть, откуда я. Так хочется еще раз услышать твой голос!

– Вы в центре живете? А к нам, значит, за покупками? – он как будто прочел мои мысли.

– Нет, я в центре работаю, а живу недалеко от вас, в соседнем районе. И к вам сюда действительно частенько навещаюсь за продуктами, – с облегчением выпалила я. – У вас тут много хороших магазинов. Мне вообще ваш район очень нравится. Выгодно отличается от других.

Мужчина улыбнулся, но ничего не ответил. Несколько минут мы проехали в гробовом молчании. Меня бросало то в жар, то в холод. Что-то я совсем одичала, не могу даже с понравившемся мужиком завязать непринужденную беседу.

– Осень какая в этом году выдалась чудесная, – снова закинула я удочку, напрочь забыв о промокших волосах и своей недавней досаде на повисшую над городом серую хмарь.

– И не говорите! – отозвался незнакомец, и в течение последующих десяти минут подробно рассказал о погоде в этом году, в прошлом и сообщил мне прогноз погоды на будущий год.

Я периодически вставляла умные слова типа «мда», «угу», «точно-точно» и меня не покидало ощущение, что мой принц как эхо повторяет мысли, которые возникали в моей голове. Это показалось мне странным, хотя... Ну что оригинального можно рассказать о погоде? Я решила резко сменить тему разговора:

– Скажите, как вы относитесь к китайской кухне?

Я сама не переносила китайской еды. Как-то, отмечая успешное завершение крупного заказа, мы всей компанией пошли в китайский ресторан. Мне принесли ароматный прозрачный супчик. Первая же ложка навеки отвратила меня от кулинарных чудес Поднебесной: огненная жидкость обожгла горло и язык, из глаз полились слезы, и я закашлялась так, что ко мне сбежались все официанты во главе с шеф-поваром. При этом коллеги удивленно на меня таращились, а Гриша и Борей выхлебали суп, утерлись и радостно всхрюкнули, что, мол, очень вкусно. Но мой организм оказался слишком чувствителен к китайским блюдам.

– Вообще-то, я не поклонник экстремальной кулинарии, – отозвался мужчина и поведал мне веселую историю про поход в тайский ресторан.

История напоминала мою собственную, но рассказывал он с таким юмором, что я, забыв обо всем, весело хохотала и не могла оторвать от него глаз. Мне хотелось ехать с ним в этой прекрасной машине и не останавливаться. Но вот спальные районы сменились высокомерными зданиями центра, и я увидела, что скоро придется расставаться.

Мы подъехали к входу в нашу странную контору. Еще издали я заметила коллег, нервно кутивших у крылечка. Пора было выходить и принимать на себя обязанности хозяйки бала. Но как же мне не хотелось с ним раслутаться...

– Ну вот мы и приехали, – сказал мой принц резко поскучевшим голосом.

– Сколько я вам должна? – глупо спросила я.

– Какая ерунда! – до чего же божественно он улыбается. – Даже не вздумайте! Нисколько. Что же я, по-вашему, трамвайный кондуктор, и буду требовать деньги за проезд у такой

очаровательной девушки? – легкий смех. Мне показалось, что он хотел взять меня за руку, но в последний момент не решился.

– Э-э... а может, – я лихорадочно пыталась подобрать слова, чтобы пригласить его на презентацию, не показавшись навязчивой. Обычно такие трюки мне удавались без труда, но сейчас, когда передо мной, точнее, сбоку от меня, сидел прекрасный принц, вся куртуазная наука выветрилась из башки. Одновременно я сгребала в кучу свои покупки и пыталась нащарить дверную ручку.

– А вы дерните вот тут снизу, – он аккуратно перегнулся через меня и открыл дверь. Мое тело окатило волной жара и, пошатываясь от груза волнительных ощущений и покупок, я выбралась из машины.

Ух! Под ногами земля... Собрав мозги в кучу, я решительно повернулась. Но ни его самого, ни его забавного автомобильчика уже не было. Ой, испарились... Невольно я усмехнулась, поняв, что исчезновение незнакомца огорчило меня больше, чем требовала ситуация. Унося с собой мечты и грезы, шикарная тачка с идеальным мужчиной уехала из моей жизни...

– Вы ко мне? Я Решетников, Владимир Петрович.

Резкий голос вернул меня с небес на землю. Надо мной навис высокий небритый человек с уставшими злыми глазами.

– Тут был репортаж по телевизору, – промямлила я, с трудом возвращаясь к действительности. Судя по виду оперативника, меньше всего на свете он хотел бы сейчас слушать мою душещипательную историю.

– Я уже в курсе, мне сообщили, – сухо сказал он, со скрипом вертя ключом в замочной скважине и пинком открывая жалобно пискнувшую дверь. – Заходите.

Убранство прокуренного кабинета было отражением хозяина: пыль, груды ветхих папок с тесемками, корзина для мусора переполнена, забитые окурками блюдца, на сейфе стоял треснувший граненый стакан, на столе у немытого окна натужно гудел древний компьютер.

– Присаживайтесь.

Решетников указал мне на стул, а сам подошел к окну и открыл форточку. Это было сделано вовремя, так как в кабинете можно было вешать не только топор, но и прочий столярный инвентарь. Сев за стол, опер потер глаза и скучным голосом произнес:

– Я вас слушаю. Когда вы последний раз видели покойного?

– Последний? – переспросила я. – Но я видела его всего один раз в жизни.

– Значит вы его не знали? Как его звали, где он жил? А что вообще вы можете сообщить? Решетников раздраженно смотрел на меня.

– Послушайте, – стараясь говорить как можно убедительнее, я заглянула в глаза оперу. – Неужели вам совершенно все равно? Ведь у этого человека наверняка есть родственники, они в отчаянии, ищут его.

– Заявлений на пропавшего без вести с такими приметами не поступало, – отчеканил Решетников. – Вас как зовут? Надежда? Вот, Надежда, давайте побережем мое и ваше время. Вы быстро и по порядку рассказываете, где и при каких обстоятельствах видели покойного. Договорились? Вот и славно.

Владимир Петрович ловко выудил из тектонических нагромождений картонную папку с надписью «Дело №», раскрыл ее и выжидательно посмотрел на меня.

– Ну, в общем, он меня подвез на своей машине. Синяя такая, импортная. Я сама в центре работаю, наша фирма на Галерной. И в тот день я очень опаздывала, забежалась по магазинам, забыла обо всем на свете, не успела на маршрутку и...

– Стоп, стоп, стоп, – Решетников решительно прервал бессвязный поток информации. – Давайте сначала: когда и где вы встретились.

– Это было позавчера в районе... я не знаю точно где. Недалеко отсюда. Обычный спальный квартал. Только почище нашего и магазинов много хороших, – я задумалась, стараясь при-

помнить еще какие-нибудь особенности, но в голову кроме магазинов ничего больше не лезло. Теперь опер решит, что я дура и у меня в голове сплошной шоппинг.

– Вы на карте можете показать? – Решетников достал карту города и развернул ее на столе.

– Вряд ли, – я с сомнением покачала головой. – У меня плохо с ориентацией в пространстве.

– Ладно... а как вы обычно добираетесь туда? Расскажите или покажите. Вот, – он ткнул корявым пальцем куда-то в угол карты, – мы здесь. Как вы едете?

– Э-э... – я глядела на карту, как на рассыпавшийся паззл. – Ну, я обычно еду на маршрутке вот по этой улице. Вроде бы. Потом иду дворами. Кажется вот так. А потом, – тут мой ноготь, до этого хоть как-то, но вычерчивающий ломаную линию маршрута, уткнулся в сплошное зеленое поле. На этом месте город заканчивался. – Подождите, – удивилась я, – у вас, наверное, старая карта. Я тут выходила на улицу, не помню названия, а там дальше площадь и небольшой скверик с каким-то памятником. Какого года у вас карта? Сейчас, знаете, строят очень быстро, – я чувствовала, что несучушь, но не могла остановиться.

Решетников, с неприязнью глядя на меня, молча постучал пальцем по белому полю карты, где был указан нынешний год издания.

– Хорошо, оставим пока этот вопрос. О чем вы разговаривали, пока ехали? Как он себя вел? Его что-нибудь тревожило? Или у него был больной вид, он жаловался на здоровье?

Мне почему-то казалось, что Решетникова совсем не интересуют мои ответы. Расследовавшие смерть отца и Ларочки вели себя совсем по-другому...

– Ну, мы болтали о всякой всячине, – тут я отчетливо поняла, что рассказывать нечего. Ехали, разговаривали о том, о сем, о погоде, о китайской кухне. Выглядел мой принц вполне здоровым, прекрасно он выглядел, обворожительно. Вряд ли эти подробности нужны Решетникову. – Говорили мы... Ну... Мы просто говорили...

– Вот что, девушка, – голос опера напоминал шипение змеи. – Вы знаете, сколько на мне висит нераскрытых дел? Пятнадцать! И все – стопроцентные глухари, а не то что этот ваш! Мне некогда заниматься ерундой, а на вас я потратил уже минут двадцать. И вы мне по существу ничего не сказали. Подобрал он вас непонятно где, говорили вы ни о чем, и что вы вообще пришли? Фантазируйте в другом месте! Если хочется поболтать, подружек позовите или найдите себе модного психоаналитика!

Мне никак не удавалось отделаться от ощущения, что опер ведет себя как-то неестественно.

– У меня одних убийств! – уже кричал он. – А в этом деле вообще никакого криминала, помер ваш красавчик своей смертью, экспертиза ничего не нашла. Остановка сердца! И никто его не ищет! Труп на кладбище, дело в архив! Не морочьте мне голову и идите отсюда!

Решетников быстро подписал пропуск и протянул его мне.

– Извините, – пробормотала я, забирая мятую бумажку и сглатывая подступивший к горлу ком. – Извините...

Поспешно вскочив с неудобного стула, я, как водится, уронила сумочку, из которой тут же с дробным перестуком покатались по полу пудреница, помада, телефон... Заохав, я плюхнулась на корточки и начала сгребать к себе свое имущество. Решетников презрительно наблюдал за мной. Краем глаза я заметила, что патрончик с помадой катится по слегка наклонному полу прямо под стол взбесившегося опера. Судорожным броском я, не вставая, дотянулась до помады кончиками пальцев... Раздался звонкий хруст и моя левая пятка опустилась на грязный линолеум. Ну вот, опять каблук сломала! И колготки порваны, и очередные туфли наверняка придется выбросить.

– Вы всегда такой цирк устраиваете или только сегодня решили показать бенефис? – прошипел Решетников.

Я молча встала, повесила на плечо злополучную сумочку, и печально уставилась себе на ногу. Так и есть, каблук болтается на одном гвозде. И в таком виде домой шкадыбать!

– Вы здесь вечно решили торчать? – мне показалось, что Решетников сейчас схватит меня за шиворот и вытолкает. Ну чем я ему не угодила-то?!

– Уже ухажу, – как можно спокойнее ответила я и повернулась к дверям. Моя рука, все еще сжимавшая тюбик помады, выполнила какой-то танцевальный жест и сшибла со стола целую гору запылившихся бумаг, книжек с оторванными обложками, пепельниц, авторучек... Я помертвела.

– Извините бога ради, я сейчас все соберу...

– Вон! – заорал Решетников, вскочив и уставившись на меня с самой настоящей ненавистью. – Дура безмозглая! Убирайся к гребя...

Не дослушав, я на одной ноге выскочила за дверь, едва не зацепившись целым каблуком за порог. Да что же это такое? Так просто не бывает! Это не со мной происходит! Тут мимо меня, испуганно вжавшейся в стену, двое крепких молодцов протащили горланящее дурным тенором тело в мокрых, наполовину спущенных штанах. Тело упиралось. «...за ноги-и-и в придорожные кусты-ы-ы! Не иметь же на дороге королеву красоты-ы-ы!» – гнусаво пело оно. Ошалело поглядев вслед хмелеуборочной процессии, я похромала дальше...

Туфли загублены. Колготки тоже. Настроение испорчено безвозвратно. Репутация полной дуры в злых глазах Решетникова меня мало беспокоила, а вот его отношение к смерти незнакомца... И его карта, на которой почему-то отсутствует целый городской квартал. Это настораживало. Ведь умер человек. Пусть даже своей смертью умер. Кто-то же его ищет! Не может быть, чтобы никто не искал. И по телевизору ведь не просто так его показывали! Неужели никому нет до него дела? Никогда я не поверю, что в том районе милиция оставила бы безымянный труп. Не такие там люди. Там люди... Нормальные! Никогда там не оставят упавшего человека посреди улицы валяться, безглаголиво его обходя. Ищет кто-нибудь моего безымянного принца. Должен искать!

Рассуждая так, я добрела до окошечка проходной, собираясь побыстрее отдать стражам порядка мятый пропуск и покинуть негостеприимное заведение. Но стражи были заняты беседой. Я остановилась возле раскормленного кенгуру, встретившего меня у входа. Кенгуру не обращало на меня внимания. Оно было поглощено разговором с коллегой. Невольно я прислушалась:

– Я у брата каталог типа импортных тачек взял, проверить эту машинку со жмуром. Так там, бля буду, ваще нет такой! Вроде «Порш», а вроде «Майбах», черт его знает. А еще я чё типа узнал, – тут кенгуру понизило голос и даже уши его заалели от сопричастности к большой местной тайне. – У меня друган на штраф-стоянке, куда эту тачку зарядили. Так он как бы под капот заглянул. Грит, типа чуть не рехнулся. Ваще не понятно, как эта хуевина ездила. И потом отогнали ее неизвестно куда. А Решетников молчит. Ну ему, ясен пень, лишние как бы хлопоты ни к чему. Хотя чё-то, он задумал. Все крутит чё-то, кумекает. Тока жмур – он, бля, и в Африке жмур!

Тут представители закона почему-то дружно заржали и наконец соизволили повернуться ко мне. Я старательно делала вид, что ничего не слышала и что у меня целы оба каблука.

– Ну чё тут у вас? Пропуск? Как там Решетников? Он у нас мужик сур-р-ровый: чуть что – в наручники и к батарее... Гы-гы-га!

Я молча протянула пропуск и пошла к выходу. Вслед отчетливо донеслось:

– А ничего типа телка. Я бы такую и сам – в наручники и у батарее! Гы!

Тьфу! Чума на оба ваших дома! Кладая оторванным каблуком, я заскакала к двери. Бегом отсюда! Дверь хищно чавкнула вслед, словно желая задержать своенравную. И наручниками к батарее... Тьфу! Вот сволочи. Чтобы я еще когда-нибудь по своей воле пошла в милицию! Да ни за что на свете!

А ведь его ищут. Наверняка ищут. Но как же быть? Обратиться на телевидение или в газеты? Что это даст? Я даже именно его не знаю. Я вообще, гуляя по тому району, никогда не обращала внимания на таблички с названиями улиц. Дура, как ни крути, а прав Решетников. Стоп. Ведь на нашем отделении свет клином не сошелся. Должно же там быть свое отделение? И если моего принца ищут, то заявление подано именно туда. Отделение там просто должно быть, с угрюмой решимостью думала я, сжав кулаки. Должно быть – и будет!

Тут что-то звонко пискнуло у меня над ухом, в глазах потемнело, и окружающее встряхнулось мокрой кошкой. Я покачнулась, снова едва не свалившись на топком берегу ее величества лужи. Только этого не хватало! Шмякнуться в жидкую грязь и окончательно стать похожей на жертву милицейского произвола. Домой, скорее домой. Выпью кофе. Залезу под одеяло. И забуду обо всех сегодняшних приключениях. Только не забуду найти в том районе отделение. Не забуду.

Заказ №...

Изделие «Жопы с ручками» (рабочее название)

Материал: латекс, дерево, кожа.

Описание изделия. Изделие в 4-х вариантах: размеры L, XL, XXL и XXXL. Выполнены из латекса. По бокам изделия крепятся ручки из дерева с кожаной оплеткой. Размеры и эскиз прилагаются. Срок выполнения заказа – 5 рабочих дней.

Подтверждено заказчиком Волосовым П. П.

Интернелюдия

Измотанный и медлительный бармен с усталыми глазами молча смешивал за стойкой классическую кровавую Мэри. Тягучий томатный сок лениво заполнил на треть огромный, пузатый, плохо помытый бокал... И прозрачная жидкость покорно ложилась поверх... Всепрощающая, умиротворенная ночь одним отчаянным глотком опрокинула в себя хмельной коктейль рассвета и превратилась в жемчужно-серое, хрупкое утро. Город, тихий и опустошенный, наблюдал, как, сочно брызнув, стекло небес заливают восход... Испуганные растяпы-звезды успели только подслеповато мигнуть перед тем, как их ошпарил и прогнал прочь безжалостный солнечный хлыст. Город просыпался. Вяло, с натугой, он распрямлял затекшие улицы и проспекты, хрустел суставами площадей, взъерошивал дворы и переулки. Тысячеликий великан, он неохотно поднимался, готовясь начать новый надоедливый день...

Спальные кварталы с тревогой прислушивались к себе и к тому, что было внутри и вовне их самих. Беспокойное, настойчивое биение невесомым кружевом оплетало тяжкий, медленный стук изношенного сердца великана. Это биение упорно рвалось наружу, искало лазейку, мечтало быть услышанным кем-то... Кем-то еще, кроме юных и беспощадных стражей одряхлевшего сюзерена в тесной короне дворцов, набережных и пустующих храмов. Быть услышанным... Зачем? Для чего? Нервное биение не знало ответа на этот вопрос. Оно еще не знало ни вопросов, ни ответов. Оно просто – было. И жаждало, изо всех сил жаждало продолжать быть...

Миллионщица осень, щедро рассыпавшая на своем пути разноцветные ассигнации палых листьев, только смеялась над тревогами своих верных любовников и слуг. Поцелуями ветра она небрежно ласкала серую кожу безликих домов, хохотала, гоня голубей на крышах, и уверяла, что все будет хорошо. Спальные кварталы, разглядывая себя в разбитом зеркале бесчисленных луж, преданно ловили обещания осени, но впервые оставались к ним равнодушны. И впервые они поняли, что означает не верить. Они уже не верили осени, но пока еще ждали. Прислушивались. Были наготове...

День пятый

Господи боже мой! Сколько может продолжаться этот разговор?

– Нет, Рита, спасибо. Не простужена. Просто неважно себя чувствую. Приезжать не надо. Просто устала. Да клянусь я, что все в порядке! Наверное. Я могу и передумать. Ну съездите вы в этот чудный район сами! Да, не в силах! С тобой тоже много о чем можно договариваться. Я тоже каждый раз буду брать расписку! Ехать надо, если из моей тьмутаракани, то по проспекту, через переезд, вдоль забора... Нет, с джиписом не знаю. Да, я именно такая. И этакая тоже. Всё, пока!

Со мной и впрямь все было в порядке, но от бесконечной телефонной беседы с солирующей Риткой и гудящей бэк-вокалом Контрабасральто мне стало не по себе. Чего я, в самом деле? Друзья беспокоятся, что там стряслось с их дорогой директрисой, что она на работу не пришла? Не иначе как помирает. Да я еще пообещала отвезти их сегодня на экскурсию в мой любимый безлошадный район, но обещание начисто вылетело из головы.

Может, забыть про вредного Решетникова и поехать? Удивительно, как меня развезло от беседы с ним. Отвыкла я от жизни. Создала себе тепличные условия. Любовь, доверие...

Шваркая тапочками, я бродила по квартире. Окна, что ли, помыть. Или пол. Чем-нибудь заняться, простым и несомненным. Пожалуй, пол помою, стояние вниз головой стимулирует умственную деятельность и рост волос. Тряпка завалилась под кухонную раковину. Сев на корточки, я запустила руку в заросшее ржавчиной переплетение труб. Мокро! Протечка? Только этого не хватало!

Через минуту я, забыв обо всем, искала в растрепанном телефонном справочнике телефон нашего ЖЭКа. Или РЭУ? Как оно теперь называется-то? Впрочем, неважно. Набрав заветный номер, я принялась благоговейно внимать заполошной оратории коротких гудков. Еще раз набираем номер. И еще раз. И эх, раз, еще раз, еще много-много...

– Алё-о-о... – казалось, это короткое слово произносит изнуренная, умирающая женщина, висящая на дыбе в застенке, куда ее бросили по ложному навету. – Слу-у-ушаю-у-у...

– Э... Здравствуйте! У меня труба в кухне течет, – жизнерадостно сообщила я, рассчитывая таким образом сбить работницу ЖЭКа с ее похоронного настроения.

– Адрес говорите, – обреченно прогнусавила трубка.

Я назвала адрес. Воцарилась тишина, прерываемая через равные промежутки времени какими-то стуками и тресками.

– Ну так как? – наконец осторожно поинтересовалась я.

– На двадцать восьмое вас записываю, – донесся до меня тяжкий вздох.

– На какое? – я не поверила своим ушам. – Это же больше чем через неделю?

– Раньше у нас все занято, – с безразличным равнодушием ответили мне.

– Но у меня же течет! – вполне резонно начала я апеллировать к здравому смыслу служительницы коммунального культа.

– У всех течет, – спокойно прозвучало в ответ.

– Э-э-э... – я растерялась. – Но вот у соседей верхних не течет, иначе они бы меня уже залили.

– Потечет, – с непоколебимой уверенностью пообещал унылый голос.

– Когда? – тупо спросила я.

– Когда-нибудь. Женщина, – внезапно рассердилась диспетчер, словно ее переключили в другой режим, – что вы мне тут голову морочите! Записывать вас на двадцать восьмое?!

– Д-да... Нет... Наверное, – забормотала я, чувствуя, как всегда при абсурдном общении с «богами» ЖКХ, что меня стремительно покидают уверенность в себе и формальная логика. – Конечно, – я зачастила, испугавшись, что на том конце провода повесят трубку. – Записывайте.

– Двадцать восьмого с одиннадцати до шести к вам подойдут, – деловито брякнуло мне в ухо. – Будьте дома.

– Но я же работаю!

– Мы тоже работаем, – со сварливой угрозой процедила моя невидимая собеседница.

– Ладно, – безнадежно смирилась я. – А пока-то мне что делать? Там ведь течет!

– А вы вентиль у себя перекройте, – дала мне трубка дельный совет, который я знала и так – не в первый раз протекаю.

– Спасибо, – я без особого энтузиазма поблагодарила крутую специалистку.

– Не за что. Всего хорошего, – неожиданно вежливо ответили мне и быстро положили трубку.

Двадцать восьмое! Больше недели сидеть без воды. Может, надо было сказать, что я готова вызвать водопроводчика за деньги? Хотя и это бы не сработало. Стоп. Я вдруг вспомнила, что не так давно видела в своем любимом базлошадном районе объявление. Замена труб, сантехнические работы, срочные вызовы. Срочные вызовы! Там был телефон. Всего две цифры! Зажмурившись, я стала лихорадочно вспоминать. Ура, вспомнила!

– Компания «Стикс», здравствуйте. – Я настолько не ожидала, что попаду на диспетчера с первого раза, что замешкалась с ответом. – Слушаю вас. – Да и голос в еще не остывшей от предыдущего разговора трубке качественно отличался от раздраженно-измученного нытья жэковской тети. Голос был учтив, добродушен и весел.

– Здравствуйте, – я постаралась ответить столь же дружелюбно. – У меня протекла труба на кухне, а водопроводчик из ЖЭКа придет через неделю. Без воды я столько не проживу!

– Будьте добры, вашу фамилию, адрес и телефон, – ласково обратились ко мне.

Я поведала трубке и то, и другое, и третье, добавив на всякий случай еще и свое имя. Было слышно, как мягко и деловито щелкает под пальцами говорящей со мной девушки клавиатура компьютера. База данных у них там, что ли?

– Вы живете не в нашем районе, – озабоченно сообщил голос из мембраны. Сердце у меня упало. – Поэтому мастер сможет к вам подъехать не раньше, чем через сорок минут. – Я утратила дар речи.

– Вы слышите? – спросили у меня. – Вас это устраивает?

– Да! Конечно! То есть вы хотите сказать, что в течение часа ко мне приедут и все починят? – после беседы с диспетчером ЖЭКа я не верила своим ушам.

– Не знаю, – рассмеялись в трубке, – починят ли вам все, но мастер посмотрит и скажет, что можно сделать.

– Спасибо, – невпопад брякнула я. – Тогда жду вашего человека. Да, у нас тут домофон...

– Наш человек, – лукаво поведала мне девушка, – умеет пользоваться домофоном. Он приедет в течение часа. Спасибо, что обратились в «Стикс». Всего доброго.

– До свидания, – растерянno прошептала я.

Значит, где-то часа через два вопрос с протечкой будет решен. Хотя бы временно. Ну вот почему у нас тут водопроводчика надо неделю ждать, а оттуда – через час приедут? Ну почему?

Так, не надо злиться, надо отвлечься. Что я сегодня планировала делать, если бы не вечерний визит в милицию? В первую очередь, Ташке отзвониться и спросить, как у нее дела с заказанными стихотворными открытками. Наверняка она уже успела сделать если не весь заказ целиком, то уж половину – точно. Ташка у нас молоток.

Это она четыре года назад подвигла меня на создание нашей странной конторы. Это она убедила Маргариту, что бриллианты, полученные от очередного отправленного в позорную отставку мужа, надо обратить в деньги и пустить на развитие конторы. Это она нашла тогда первых заказчиков. Неунывающая, угловатая, похожая на восторженного мальчишку... И с лежающимися близнецами в огромном, как глобус, животе. Замужем Ташка тогда еще не была, и усиленно готовила себя к участи одинокой мамочки «с двумя дитями», как выра-

зилась санитарка в женской консультации, едва не доведя Татьяну до преждевременных родов в результате смехового припадка. Рожала она, впрочем, уже будучи замужней дамой.

Ташкин муж-дальнобойщик по имени Костя, наверное, не мог и вообразить, что поведет в загс, сияя от счастья, худенького бледного воробушка на восьмом месяце беременности. Эта пара с почетным эскортом из меня, Ритки, Борьки и Ксюхи с Ивором произвела на весь загс неизгладимое впечатление. Ташка и Костя странно смотрятся вместе. Он, низкорослый, широкоплечий, кривоногий, похожий на таежного Топтыгина. Ташка почти на голову выше Кости. Она все время куда-то бежит, глядя в наше северное небо, которое, кажется, опрокинулось ей в глаза, такие же серые и бездонные. Она стройная, длинноногая, с ломкими плечами балерины или мальчика-поэта, хрупкого, но несокрушимого духом скитальца. «В прошлой жизни я была бродячим бесприютным скальдом!» – любит провозглашать Татьяна. Именно неизлечимое внутреннее беспокойство и довело Ташку до незапланированного замужества, родов и работы в нашей странной конторе.

Про таких, как она, говорят «шило в попе чешется». В общем, несколько лет назад преданной идеалам хиппи студентке филфака Татьяне Фроловой приспичило «пойти по трассе». С песней утреннего ветра по шоссе прибыть на каникулы к родителям, не потратившись на билет и получив чемодан романтических впечатлений. Идея для интеллигентной девушки-аккуратистки, мягко говоря, странная. Маме с папой, оставшимся в далекой Туле, она, разумеется, ни словом не обмолвилась о своей бредовой идее. «Я что, дурочка, что ли, родителей волновать?» – рассуждала Татьяна.

Попутчиков хиппи-неофитка себе не нашла. И отправилась по трассе в одиночку. Костя был третьим, кто ее подвозил. Когда она рассказала потному водиле здоровенной фуры, куда и зачем едет, мужик ее обматерил, назвав шалавой и безмозглой курицей, посоветовал сесть на автобус, вернуться в Питер и купить билет на поезд. Даже предложил дать денег, если у нее, дурынды, их нет. Ташка гордо отказалась. Мужик ей не нравился, и она была страшно рада, когда спрыгнула на пыльную обочину после скандала, произошедшего прямо в кабине фуры между ней, духовно богатой девушкой, студенткой филфака, и тупым детиной, выпускником ПТУ. Костя только харкнул очередной окурок ей вслед.

Невоспитанный чурбан был, повторюсь, водителем третьей машины, которая ее подвозила. А четвертой машиной, чистенькой иномаркой, управлял милый улыбчивый парень и его еще более улыбчивый приятель. Загнав чистенькую машину на глухую проселочную дорогу, милые молодые люди всю ночь поочередно насиловали студентку третьего курса филфака, духовно богатую девушку, и избили ее до полусмерти.

Когда Татьяна рассказывала мне об этом, я не могла поверить. Нет, не в то, что ее, наивную дурочку и безмозглую курицу, избили и изнасиловали. В это верилось легко. Я не могла поверить в то, что она может так спокойно рассказывать об этом и жить дальше. Она же, ласково поглаживая свой округлившийся живот и рассеяно улыбаясь, признавалась, что больше всего ее убило не то, что ее изнасиловали двое невероятных сволочей. Ее убило то, что они делали это... в презервативах. «Костя-то попроще был, – хихикнула Ташка, – вот я от него и подцепила», – и звонко щелкнула себя по пузу.

Утром она выползла на обочину. Ни один водитель даже не замедлил хода, видя скрючившуюся в придорожной пыли истерзанную девчонку. Солнце жарило во всю ивановскую, превращая асфальт в адскую сковородку, а пыль – в острый перец для грешной души. Когда эта приправа безжалостно запорошила щелочки глаз, взлетев тревожным вихрем от резкого торможения здоровенной фуры, Ташка, наконец, потеряла сознание. А когда очнулась, Костя ее уже не испугал. У не осталось сил на то, чтобы пугаться. Он, матерясь, затащил ее в кабину, влил в рот водки, и вытянул из нее всё. Не переставая обзывать дурицей, шалавой и безмозглой курицей. Но пыл его заметно поубавился, когда Ташка, с трудом ворочая распухшими губами, сообщила ему номер и марку машины с улыбчивыми ребятами. Я же говорю, несмотря

на наивность, Ташка практична и наблюдательна, как и свойственно настоящему поэту. Одно стихотворение Ташки про Ритку чего стОит! Ведь не в бровь, а в глаз попала, при том, что Ритку она тогда знала без году неделю.

Но наблюдательность и крепкий внутренний стержень сыграли с Татьяной еще одну злую шутку. Она безоглядно влюбилась в Костю. Влюбилась, не замечая больше ни его медвежьих статей, ни причудливой лексики, ни пристрастия к футболу, пиву и «Беломору». Она видела одно: человека, который увидел человека в ней, вопреки всем различиям между ними. При этом она и в мыслях не держала тащить Костю в постель или женить его на себе. Она была готова больше никогда его не видеть, родить и растить ребенка самой. Тут мы с ней и познакомились.

Ташку, вернее, ее близнецов, укачало в душном автобусе. Я помогла ей выйти наружу и сунула под нос склянку с духами, от чего ее немедленно стошнило мне на сапоги. Разумеется, после такого мы не могли не познакомиться. Не прошло и трех месяцев, как возникла контора. Гриша, Олигарх, Ниночка, Ксюха с Ивором появились чуть позже. А раньше неунывающую Татьяну, в глазах которой по-хозяйски поселилась насмешливая грусть, отыскал Костя. Уж не знаю, чего он хотел от встреченной на трассе безмозглой курицы, но когда вместо угловатой девчушки-нескладушки увидал округлившуюся в разных местах взрослую женщину с печальным взглядом, вопрос решился сам собой. Ташка, не сомневаясь ни секунды, сменила фамилию с Фроловой на, ей-богу не вру, Подкузякину, зачеркнула честолюбивые планы пробыться в большую литературу, родила и все силы без остатка бросила на семью и на работу в «Сюрпризе». «Вы мне счастье принесли, я теперь от вас не отлипну», – пообещала она, когда мы пришли на смотрины Олежек.

Да, без Ташки у нас и контора не контора... Я ей сегодня позвоню обязательно. Тут, словно одобряя мое решение, мобильник отчаянно затрезвонил.

– Алё.

– Надежда Дмитриевна? – голос незнакомый, похоже, немолодой мужчина.

– Да, это я.

– Здравствуйте. Меня зовут Игорь Семенович, я мастер из «Стикса».

– Да, да, конечно. Слушаю вас, – поглядев мельком на часы, я обнаружила, что Игорь Семенович в отведенные ему сорок минут не уложился. Наверно, потому и звонит.

– Да нет, – смущенно засмеялись в трубке, – это я вас слушаю. Вы мне не объясните, как до вас доехать? Я уже минут двадцать плутаю, что-то никак не могу найти нужный поворот.

– Ой, у нас все вечно плутают! Вы сейчас где? – тут я сообразила, что не знаю ни одной улицы в том районе, откуда едет водопроводчик. – Только вы извините, я ваших краях названий улиц не помню.

– Бывает, – понятиливо отозвался Игорь Семенович. – Я сейчас еду вдоль скве... – глуховатый голос перекрыло шквалом помех.

– Але! Игорь Семенович! Вы меня слышите? – трубка продолжала хрипеть. – Але?

Что же это такое? Невезуха! Нет уж, я сейчас ему сама перезвоню, мне водопроводчик дозарезу нужен. Когда я уже собиралась отключиться и перезванивать, шум затих так же внезапно и беспричинно, как появился.

– Надежда Дмитриевна? Слышите меня?

– Да!

– Извините, мистика какая-то, – озвучил Игорь Семенович мою мысль. – Ни с того, ни с сего помехи. Да, так вот, я еду вдоль скверика с памятником.

– Значит, – я поспешно принялась выдавать указания, боясь, что связь снова закапризничает, – доезжайте до конца сквера, там растет такая здоровая береза, с двумя стволами. Проедете чуть-чуть вперед, глядите направо, будет ответвление дороги. На него поворачиваете, едете до конца и заезжайте под арку ближайшего дома во двор. Так быстрее будет. Едете

прямо до второго левого поворота, мимо него проезжаете и смотрите направо. Там бетонка. Вот по ней и катите до конца, попадаете снова во двор, там еще вечно канава разрыта, еще иногда бомжиха с овчаркой в кусте сидят, ее объезжаете по краешку, то есть канаву, а не бомжиху. Потом сворачиваете направо под другую арку, попадаете на проспект. Оттуда до моего дома по прямой минут десять. Девятиэтажка, третье парадное. В нашем дворе надо быть осторожнее, у нас тут все в колдобинах.

В трубке напряженно молчали. Чего это он? Вроде понятно объяснила.

– Ау? – опасливо воззвала я.

– Да-да, я все записал, минут через двадцать пять буду у вас, – поспешно отозвался Игорь Семенович и дал отбой.

Примерно через полчаса домофон разразился натужным гудком. Я поскакала к дверям.

– Игорь Семенович?

– Он самый.

– Поднимайтесь!

Дверь я распахнула, не дожидаясь звонка. Передо мной предстал длинный и худой седобородый дяденька в черных брюках, трепаной желтой куртке и беретике. В руках он сжимал пузатенький чемоданчик.

– Надежда Дмитриевна?

– Она самая. Проходите пожалуйста. Быстро сориентировались?

– Да, – кивнул Игорь Семенович. – Дорога, конечно, не самая очевидная, надежная.

– Плохого не посоветую! – закрывая дверь, улыбнулась я. – Из вашего района выехать – целая проблема...

– Неужели? – удивился Игорь Семенович. – Не замечал, Надежда Дмитриевна, не замечал. Впрочем, я крайне редко выезжаю. Возраст, знаете ли, уже не тот. Никуда не тянет. Ни на концерт, ни на выставку, а книги и диски с хорошей оперной и джазовой классикой в нашем торговом центре купить можно. Повседневные дела выездов и вовсе не требуют. Клиенты все в нашем районе живут, кроме вас.

– Расширяетесь! – я шутила, пытаюсь унять тревожно мельтешащие несурразности. Водопроводчик? Концерт? Выставка? Классика? Тем временем Игорь Семенович открыл чемоданчик и... достал старомодные коленкоровые тапочки. Водопроводчик со своими тапками? Мне срочно захотелось проснуться. Не ходят водопроводчики со своими тапками! Или те, которые из частных лавочек, ходят?

– Ну-с, Надежда Дмитриевна, – надев тапки, обратился ко мне водопровочик, – где труба?

– Э-э... На кухне.

Показывая Игорю Семеновичу трубу, я размышляла о том, что если это сон, то надо будет обязательно рассказать его ребятам, а если реальность, то лучше никому ничего не рассказывать. Кто поверит, что водопроводчик пришел со своими тапками, слушает классику и разговаривает, как учитель словесности позапрошлого века?

– Надежда Дмитриевна? – голос из-под раковины вернул меня на кухню.

– Да, Игорь Семенович. Извините, что-то я задумалась...

– Вижу. Я поставил хомут на подтекающую трубу.

– Спасибо!

– Не спешите, – охладил Игорь Семенович мой пыл. – Трубу необходимо заварить, а еще лучше полностью заменить всё, что у вас за этим фасадом, – он постучал ладонью по раковине. – Фасад красивый, конечно, но начинка сгнила. Дом ваш, наверно, с момента постройки на капремонт не ставился?

– Вроде нет, – пожала я плечами. – Тут иногда что-то течет, но не слишком часто.

– Ну разумеется. – Игорь Семенович включил кран и стал отмывать руки. – Сначала не слишком часто, потом время от времени, а в итоге вы приезжаете домой и видите аварийку, мокрых соседей и безвозвратно испорченный интерьер.

– Ой, не пугайте! – картинка, описанная Игорем Семеновичем, весной имела место быть через парадное от меня.

– Вы своего водопроводчика когда ждете? – поинтересовался мой необыкновенный гость, выуживая из кармана бумажный платочек и вытирая им руки.

– Через неделю, – со вздохом призналась я.

– Я вам настоятельно советую поговорить с ним о полной замене трубного хозяйства.

– Нереально, – ответила я, решив ничему больше не удивляться. – Они мне либо всю стенку разнесут, так что потом ремонт придется делать, либо им надо будет платить, а денег нету.

– Да-а... – протянул Игорь Семенович. – Тогда могу только порекомендовать в случае чего обращаться к нам, в «Стикс». Расценки у нас приемлемые.

– Кстати, – спохватилась я, – сколько я вам должна?

– Позвольте присесть?

– Конечно.

– Я вам сейчас выпишу квитанцию, – с этими словами он сел за кухонный стол, вытащил книжицу с отрывными квиточками и перьевую ручку. – Вот, пожалуйста.

Сумма, указанная в квитанции, была смехотворной. По-моему, он больше потратил на бензин, чтобы доехать до меня. Такой тонкий намек на толстые обстоятельства? Почти успокоившись, я сбегала за кошельком и решительно протянула Игорю Семеновичу тысячу.

– Надежда Дмитриевна, а купюры меньшего достоинства у вас не найдется? Боюсь, что сдачи у меня не будет.

Ну вот оно, с облегчением решила я. Все в норме, никаких чудес. Сначала сдачи не будет, потом: ах ну что вы, мне так, право, неудобно. Браво, Игорь Семенович!

– Меньше нет.

Когда он уже, наконец, перестанет придуриваться, возьмет деньги и уйдет?

– Какая незадача. Придется расплачиваться своими.

Он вытащил из кармана потрепанное портмоне: – Не люблю, и бухгалтер не одобряет, но что ж делать.

Пересчитав купюры, Игорь Семенович положил их на стол и только после этого взял тысячу.

– Будьте любезны, Надежда Дмитриевна, распишитесь.

Мне стало ужасно стыдно. Покраснев, я схватила ручку и торопливо подписалась.

– Извините, – все-таки сумела выдать я.

– Ничего. – Игорь Семенович глядел на меня сочувственно и насмешливо.

– Может быть... чаю? Или чего покрепче?

Стремясь загладить неловкость, я проваливалась еще глубже.

– Нет, Надежда Дмитриевна, благодарю. Крепкие напитки я вообще не пью, а чай хорош вечером, с любимой музыкой вприкуску, – вставая, Игорь Семенович отвесил легкий, старомодный поклон. Мне захотелось сделать ему в ответ реверанс или еще какой-нибудь книксен. Хотя не поможет. Стыдно-то как!

Провожая Игоря Семеновича к дверям, я корила себя за глупость и подозрительность. Он уже стоял на площадке, когда я решила.

– Игорь Семенович!

– Слушаю вас, Надежда Дмитриевна.

– Простите меня. Пожалуйста. Я... я не хотела.

Улыбка встопорщила седую бороду.

– Всё в порядке, Надежда Дмитриевна. Звоните, если что. Я теперь дорожку в ваш район проторил, – он запнулся. – Да уж. Проторил... Будем расширять клиентуру. Если у вас во всем доме такие же гнилые трубы, мне работы на всю жизнь хватит. До свидания.

– Всего доброго, – с облегчением сказала я и еще долго стояла и слушала, как стихают на лестнице шаги. Лифт по-прежнему не работал.

Интерлюдия

Серебро мокрых листьев на льдистом паркете асфальта.
Светляки фонарей не манят, но столбят все пути.
Обелиски бутылок пустых под ногами у скальда.
Возвращаюсь домой.
Словно дождь, что идет, но не может дойти.
Ибо некуда.
Ибо во тьме за плечами —
Не дворец и не крепость, а старый потертый рюкзак.
Короли все пропили и снулыми смотрят бомжами,
Но и в белой горячке не вспомнят, как рыцарский зал
Истекал слезным воском свечей, и я пел перед ними.
Плач и смех пробуждая дрожанием бронзовых струн.
Их мечты, и сердца, и сокровища были моими.
Хотя я – лишь бродячий поэт, а не ловкий колдун.
Я всегда уходил до рассвета.
Иные манили
Цитадели трактиров и замков, твердыни сердец
Королев и крестьянок. Они так похоже молили:
«Пусть герой победит, а злодею наступит конец!».
И гордыня владык, и презрение простолюдинов
Танцевали в объятиях сказки под тихий напев.
И, усталой рукой их привычные маски отринув,
Видел дом свой я в подлинных ликах и старцев, и дев.
А теперь где мой дом?
Я бреду от метро до подъезда.
Меня встретят не эльфы, а крысы и запах мочи.
В мире мертвых легенд пусть недолгий, но все-таки крестный,
Путь дождя,
Что печально по декам стучит
Моей лютни,
Разбитой на дальних дорогах.
Может в драке, а может, и в битве... Промчались века,
Как аккорды по струнам – то весело, то слишком строго...
Так куда и зачем мне спешить, если эта рука
Никогда не сжимала до хруста, до боли в костяшках
Ни эфес, ни кулак, ни даже изогнутый гриф.
И, рифмуя пустые слова на обрывках бумажных,
За ночной Интернет на неделю вперед заплатив,
Соберет мои песни бывшие, как бусы —
На леску
Суеты, эпатажа, безверия, душевной тоски.
Как мне больно на дыбе твоей, ох, хозяйка, как тесно!
Пощади, мой несчастный палач, не губи, отпусти!
Медяки мокрых листьев беззвучно ложатся под ноги...
Черным кружевом ветви обшили небесный манжет...

Чашка крепкого чая, ошпарив, прогонит тревоги.
Ну а завтра? А завтра, мой скальд, ты придумаешь новый сюжет...

День шестой

Видеть Ритку в таком гневе мне, признаться, еще не доводилось. Беспомощно шевеля губами, я пыталась воткнуть хоть словечко в ее сердитый монолог. Тщетно. Она фиоритурила во всю Ивановскую, не давая мне пискнуть. И что ее так взбесило? Чего так орать-то? Подумаешь, заблудились. Я чуть не каждую неделю где-нибудь в чем-нибудь заблуждаюсь! Нет, пора ее останавливать.

– Рита! Хватит! Я понятия не имею, почему вы не доехали туда, куда я вам сказала. Лично я именно таким путем дотуда доезжала!

– Доезжала она! – фыркнула Ритка. – Надька-ездючка! Мы все твои окрестности исколесили, туда-сюда-обратно, тебе и мне приятно! Никто понятия не имеет, о каком районе речь идет! То есть даже не слышал никто! На меня смотрели, как на полную идиотку!

– На меня регулярно смотрят, как на полную идиотку. В том числе и ты. Так что давай закроем тему, а завтра прямо с утра я лично от везу вас туда на экскурсию, протащу по всем магазинчикам, дворам и скверикам.

– Принято! – это не Ритка. Это Ксюха от дверей звонко выкрикнула. Вовремя она. – Мы, Надька, замумились вчера этот твой район искать! Никто не знает, ни вза из ит, ни хау ту гет зеа. Чисто крэйзи хаус!

– Вот именно, – холодно бросила Марго и, скривившись, раскрыла мобильник, играющий битловскую «Герл» в какой-то на редкость похоронной тональности.

Ксюха хихикнула и, показав мне и Ритке язык, ушмыгнула в кладовку. Ей фольга нужна и еще какая-то кулинарная штуковина. Вчера новый заказ поступил, пока я с трубами и душевными терзаниями возилась, вместо того чтобы на работе сидеть.

– Достаточно, – это Ритка, сама того не ведая, закончила мою мысль, говоря со своим телефонным собеседником. – Живи мы в сказочной стране юристов и дантистов, я бы не преминула направить вас к моему адвокату. Мы, однако, живем в стране непуганых мудаков. Посему я тебе сама скажу прямо и коротко...

Сладчайшим голосом она выдала чудовищно матерную фразу, в которой не было вообще ни одного цензурного слова, дала отбой, счастливо вздохнула и поглядела на меня довольным взглядом сытого питона. Ясно. С очередным мужем разобралась. И как ей не надоедает? Впрочем, с ее ослиным упрямством и замашками хищника... Если она что решила – не отговоришь. Решила отбить мужика – отобьет. Уведет из-под носа, подола, каблука, поиграется, обдерет, как липку – и бросит. Или к другой за ручку приведет. Или прежней владелице вернет «имущество». Меня она десять лет назад так же провела. Отбила Сашу у первой жены, поигралась с ним и поняла, что ей такой муж не нужен. Оглядевшись вокруг, увидела меня и «сдала» Сашу мне с рук на руки. А сама, лихо раскрутив очередного «папика» на большие деньги, улеглась в больницу.

Ей приспичило ноги удлинить. Якобы она, при ее отношении к жизни, никак не может быть меньше ста семидесяти сантиметров. И точка. Нашла врачей, нашла клинику, где такие операции делают. Ломают ноги и с помощью жутких железак вытягивают кости до нужной длины. И ведь ее предупреждали, что это сложно, больно и опасно. И зачем ей это надо, со своими ста шестьюдесятью шестью сантиметрами она неотразима. Только Ритку черта с два отговоришь. В конце концов ее удлинители. Аж до ста семидесяти одного сантиметра. Только у нее оказалась повышенная чувствительность. И она полгода не могла ходить даже на костылях. После, уже встав с постели, еще чуть не год сидела на обезболивающих. Я ее навещала, Борька-олигарх, тоже. Мы с ним у риткиной койки и познакомились. Буквально через пять минут после знакомства мне стало ясно, что он в нее по уши влюблен. Они вместе учились в двух последних классах. И сейчас Борькиной любви семнадцать лет исполняется. Наверное, любая

за семнадцать лет размякла бы, оттаяла. Только не Ритка. Определила Борьку в безмолвного обожателя и мальчика для битья – и все. Не нравится – гуляй! Железная леди на несусветно длинных ногах. С невероятно красивым лицом и телом. Хотя физиономию она тоже подправляла. Сначала нос, чтобы был идеально прямой. Потом разрез глаз, а под занавес подбородок. Каждый раз ее уговаривали – зачем тебе это надо? И так хороша, как богиня. Овальное лицо, высокие скулы. Сияющая белая кожа с россыпью едва заметных веснушек. Рыжие выющиеся волосы. И ведьмовские глаза, зеленые, как нефрит. Красавица! Зачем операции? Нет, не отговоришь. Деньги на операции, она, конечно, не в «Сюр-призе» зарабатывает. Контора для Ритки хобби. А работа – это бесконечные замужества и разводы с высасыванием из мужей денег, нервов и жизненных соков. У нее уже страницы в паспорте кончились от штампов «Брак – развод». Мы раньше ужасались, а теперь привыкли. Только Борю иногда жалко становится, но Ритку не перевоспитаешь. При этом ни одного ее мужика никто из нас в глаза не видел. «Оберегаю вашу нежную психику от потрясений», говорит она.

– Итак, дорогая моя, – певучее сопрано обернулось вокруг шеи удавкой. – Вернемся к нашим креветкам. Ты в том районе как в первый раз оказалась?

– Лучше не спрашивай, – буркнула я. – Случайно...

Вспоминать о том, как я впервые оказалась в моем любимом районе, было и смешно, и противно. Я с Борькой и Ивором весной в офис к клиенту ездила, новый договор подписывать. А рядом с офисом, в подворотне, функциклировал вполне себе такой эстетский шалман. Дрянное пиво, бодяжная водка, чебуреки с котятами на закуску. Культовое местечко для прожженных эстетов! И сдуру занесло нас туда новую сделку обмыть. Накал эстетизма в компании с Олигархом и Ворькой достиг у меня такого градуса, что я убей не помнила, как домой ехала. Очнулась глухой ночью на лавочке. Неизвестно где. То есть в моем ныне самом любимом районе. А тогда... Мобильник вырубился, тьма кромешная, я перепугалась, побежала куда глаза глядят, торжественно клялась никогда не употреблять более ничего крепче кофе и думала только об уюте горящих теплым светом окон многоэтажек. И вдруг темнота раступилась, по обочинам появились фонари, танцевавшие торжественный полонез в компании ярких вывесок и гостеприимно распахнутых дверей круглосуточных магазинчиков и кафешек, в одну из которых я и забрела. Мне принесли чашку восхитительного кофе и воздушное фруктовое пирожное. Потом была гора покупок, пешая прогулка до дома, улучшившиеся настроение и готовность отпустить грехи двум болванам, которые нажрались до беспамятства сами и напоили начальницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.